

къ ученію Апостольскому (286), — роль синагогальнаго *уклада* іудеевъ (324), терминъ: *идеальный* авторъ употребляетъ невѣрно на стр. 344—351, — *укладъ* христіанской жизни (352 сл.), — на церковь нужно смотрѣть какъ на священную *управу* (?—стр. 388), — святость является теперь полною *реализаціей потенциальной* нравственности, вложенной въ человѣческую природу, *претвореніемъ* этой *потенціи* въ свою вторую природу, а грѣха — въ полное небытіе (511—512), — Апостольничертываетъ *детали* замѣчательнѣйшей и великолѣпнѣйшей *гармоніи* — *гармоніи* вселенной (658), — (*mitosmos* — *гардеробъ въ смыслъ одежды* (679), — св. Павелъ опредѣляетъ женщинамъ и ту *сферу*, въ которой онѣ должны *играть активную роль* (701), — Апостоль снисходить... отъ чисто *идеального* все болѣе и болѣе къ *конкретному* (738), — мнѣніе, что Апостоль разумѣетъ таинство вѣры, имѣютъ *выгодную (?) опору* въ 16 стихѣ (773), — сначала Апостоль говоритъ *о наглядности(?)* дома Божія (стр. 818) и др.

Всѣ указанные недостатки было бы однакоже несправедливо возводить въ препятствіе къ полученію сочинителемъ искомой степени магистра богословія. Исключая недостатокъ изученія славянскаго рукописнаго текста и русскихъ переводовъ, коего отсутствія, впрочемъ, нельзя требовать отъ сочинителя (для устраненія этого недостатка потребовалась бы другая диссертация), — изъ другихъ вышеуказанныхъ недостатковъ одни не могутъ быть признаны существенными, а другіе легко устранимы и частію устранены уже мною. Неполнота въ изученіи иностранной литературы по данному предмету (первый недостатокъ) не наноситъ никакого существеннаго вреда изслѣдованію самого предмета, такъ какъ почти всѣ новѣйшія работы по исагогикѣ и экзегесу Новаго Завѣта представляютъ только компіляцію и перелѣлку прежнихъ трудовъ, — при томъ же для русской богословской науки, не могущей похвалиться обиліемъ научныхъ пособій по исагогикѣ и экзегесу Писанія и часто не имѣющей даже и первыхъ словъ западной науки (разумѣемъ, конечно, истинную науку, выводы коей научно подтверждаютъ или могутъ быть обращены безпристрастною наукою въ подтвержденіе истинности православія, — а не лженауку, ведущую къ отрицанію не только православія, но и всего

христіанства), если и не бесполезно иногда знакомство съ этими первыми словами, то по крайней мѣрѣ не особенно вредно незнакомство (конечно временное) ея съ послѣдними словами западной науки. Также и относительно древне-христіанской экзегетической литературы (второй недостатокъ) должно замѣтить, что болѣе полное и всестороннее изученіе ея не дало бы какихъ-либо новыхъ освѣщеній въ *качественномъ* отношеніи, но только увеличило бы *количественно* число лицъ, раздѣляющихъ то или другое изъ указанныхъ у автора толкованій, хотя и эта количественная полнота конечно имѣетъ большую важность для православнаго русскаго экзегеса. Въ отношеніи третьяго недостатка надо замѣтить, что едва ли есть хотя одна диссертація на свѣтѣ, которая въ такой или иной мѣрѣ не была бы причастна подобнымъ частнымъ недостаткамъ и недосмотрамъ, — притомъ же большинство изъ замѣченныхъ частныхъ недостатковъ или устралены мною (зачеркнуты и исправлены) или же отмѣчены для исправленія ихъ сочинителемъ при печатаніи своего разсужденія.

Но если для *чисто-научной отычки* каждаго труда существенную важность имѣетъ указаніе его недостатковъ, то для опредѣленія удовлетворительности или неудовлетворительности *ученой диссертаціи*, кою составленіе и свойства могутъ зависѣть отъ разнообразныхъ и многочисленныхъ условій, гораздо большее значеніе должны имѣть положительныя стороны или *достоинства* диссертаціи. Обвинительное „*нѣтъ*“ здѣсь никогда не должно затемнять оправдательное „*есть*“. А есть въ разсматриваемомъ сочиненіи слѣдующія достоинства:

1) *Обширность труда* (обнаруживающаяся уже во вѣщныхъ его размѣрахъ: XXVI+1029 стр. in. 4-о) по изученію: а) предмета сочиненія (вводныхъ общесторическихъ вопросовъ о послѣднемъ путешествіи Апостола Павла, о лжеученіи, обличаемомъ въ Пастырскихъ посланіяхъ, о трех-чинной іерархіи,—и толкованія шести главъ посланія) и б) относящихся до него, какъ новѣйшихъ научныхъ пособій — иностранныхъ (Визингеръ, Гофманнъ, Мейеръ, Гольцманнъ и др. ми.) и русскихъ (проеосв. Теофанъ, Клитинъ, Троицкій и др.), такъ и древне-христіанскихъ истолковательныхъ трудовъ (св. Златоуста, Θεодора Мопс.

въ лат. переводѣ, блаж. Осодорита, Амвросіаста, Икуменія, блаж. Оеофилакта, Евѳимія Зигабена и др.).

2) *Цѣлѣность и законченность труда.* Сочинитель не потерялся, какъ это нерѣдко бываетъ съ современными учеными, въ обилии и разнообразіи бывшаго въ его распоряженіи научнаго матеріала и не запутался въ частностяхъ, — но смогъ разобраться въ путаницѣ мнѣній и толкованій новѣйшихъ ученыхъ запада и сумѣлъ дать законченный и цѣлостный трудъ, обнимающій всѣ главныя стороны и отвѣчающій на всѣ важныя вопросы, какіе существуютъ въ наукѣ по данному вопросу.

3) *Строго-православное направленіе труда.* Глубоко проникшись духомъ и изложеніемъ святотеческихъ толкованій, сочинитель тѣмъ самымъ пріобрѣлъ возможность освѣтить весь инославный научно-историческій, филологическій и экзегетическій матеріалъ православно-догматическимъ вѣросознаніемъ, давъ на всѣ спорныя вопросы по исагогикѣ и экзегесу посланія строго-православныя отвѣты, въ духѣ древней и новой святоотеческой науки православною. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣляется разсужденіе о трехчипной іерархіи въ вѣкѣ Апостольской. Подъ вліяніемъ протестантскихъ изслѣдованій здѣсь сочинителю легко было вступить на скользкій путь отождествленія или смѣшенія епископской и пресвитерской степеней, кои по протестантскимъ изслѣдованіямъ будто бы выдѣлились въ особыя степени уже въ послѣ-апостольское время, ранѣе же были только разными названіями одной и той же степени. Къ этому важному вопросу сочинитель отнесся съ достохвальною внимательностію, основательно и обстоятельно разобралъ доводы инославныхъ богослововъ (впрочемъ преимущественно только съ логической стороны) и сумѣлъ дать весьма плодотворную для православною науки и твердую *общую* постановку этому вопросу тѣмъ, что постарался найти въ Пастырскихъ посланіяхъ различіе (а не смѣшеніе, какъ обычно иногда думаютъ даже и русскіе писатели) какъ названій, такъ и самыхъ должностей епископа и пресвитера, опредѣливъ пресвитерскую степень какъ „предстояніе“ предъ епископомъ (при богослуженіи), какъ полномочіе отправлять богослуженіе, совершать таинства и преподавать ученіе вѣры, — и выдѣливъ изъ нея правительственныя

(административныя) службы (функціи). Твердыя основанія для такой постановки дѣла несомнѣнно имѣются какъ въ Пастырскихъ посланіяхъ, такъ и въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ христіанства, — о чемъ публично заявлено было мною еще на диспутѣ г. Клитина (1888 г.).

4) Исключая сравнительно немногіе вышеуказанные случаи иноязычія или употребленія, безъ нужды, иностранныхъ словъ, — неясныхъ, неточныхъ и неловкихъ выраженій, — въ общемъ изложеніе отличается достохвальнымъ качествомъ ясности, простоты, спокойствія и важности, что все и подобаетъ православно-богословской диссертациі на ученую степень.

5) Наконецъ въ ряду особенно достохвальныхъ качествъ сочиненія можно указать на глубину проникновенія во внутренно-животворный духъ апостольскаго писанія, обстоятельность и тонкость нравственно-психологическаго анализа нѣкоторыхъ понятій, ясность въ раскрытіи главныхъ мыслей посланія и ихъ логическаго движенія и основательность особенно въ раскрытіи пастырскихъ сторонъ посланія.

Эти достоинства, преизобильно покрывая вышеуказанные частныя недостатки, даютъ полное, по моему мнѣнію, право признать разсматриваемый трудъ полезнымъ вкладомъ въ православную русскую, крайне небогатую экзегетическими и исагогическими изслѣдованіями вообще, а по толкованію перваго посланія къ Тимоѳею въ особенности, богословскую литературу и удостоить сочинителя ученой степени магистра богословія“.

б) Экстраординарнаго профессора Ивана *Корсунскаго*: „Сочиненіе г. Полянскаго состоитъ изъ „введенія“ (стр. I—XXVI), очень обширной „части I-й, исторической“ (стр. 1—438) и еще того болѣе обширной „части второй, экзегетической“ (стр. 439—1029 по рукописи). Въ частности „введеніе“ разсуждаетъ I) о важности предмета изслѣдованія, т. е. 1-го посланія къ Тимоѳею; II) объ историческихъ извѣстіяхъ, упоминаемыхъ въ этомъ посланіи и обсуждаемыхъ въ первой части изслѣдованія и III) о содержаніи посланія, по указываемымъ отдѣламъ коего располагается содержаніе второй, экзегетической части изслѣдованія; — первая часть рѣшаетъ слѣдующіе вопросы: а) о послѣднемъ путешествіи св. Апостола Павла (глава I, стр. 1—82); б) о лжеучителяхъ и лжеученіи, обличаемыхъ Апостоломъ

(глава II, стр. 82—249) и в) о трехъ степеняхъ іерархіи (глава III, стр. 250—438), а вторая часть, соотвѣтственно содержащую посланіа, распадается на слѣдующіе отдѣлы: „Привѣтствіе (1 Тим. I, 1—2)“, стр. 439—456; „глава I. Истинное ученіе (1 Тим. I, 3—20)“, стр. 456—606; „глава II. Христіанская молитва (1 Тим. II гл.)“, стр. 607—702; „глава III. Пастыри (1 Тим. III, 1—13)“, стр. 703—793; „глава IV. Пастырская дѣятельность (1 Тим. III, 14—IV)“, стр. 794—899; „глава V. Пасомые (1 Тим. V—VI, 19)“, стр. 900—1021 и „Прощаніе (1 Тим. VI, 20—21)“, стр. 1022—1029. Каждый почти изъ болѣе крупныхъ въ числѣ этихъ частныхъ отдѣловъ изслѣдованія имѣетъ и еще особыя заглавія для своихъ подраздѣленій, какъ, напримѣръ, „Послѣднее путешествіе св. Апостола Павла“:— „свидѣтельства апокриоовъ“ (стр. 31);— „свидѣтельства святыхъ отцевъ“— (стр. 34);— „свидѣтельство фрагмента Мураторія“ (стр. 68);— „Путешествіе Апостола“ (стр. 76); или отдѣлъ о лжеучителяхъ и лжеученіи: „Отношеніе Тимооея къ лжеученію“ (стр. 86);— „Умственное и нравственное состояніе лжеучителей“ (стр. 94);— „Ученіе о чистомъ и нечистомъ“ (стр. 122);— „Миѡы и генеалогіи. — Лжеименное званіе“ (стр. 179) и т. д. (стр. 320, 388).

Содержаніе изслѣдованія, какъ очевидно, весьма обильно, особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что служащее предметомъ этого изслѣдованія посланіе св. Апостола Павла далеко не изъ большихъ по объему въ сравненіи съ другими посланіями того же Апостола. Но такое обиліе объясняется насколько особенною важностію предметовъ содержанія этого посланія, важнѣйшаго по обстоятельности изложенія въ ряду другихъ такъ называемыхъ пастырскихъ посланій сего Апостола (2-е къ Тимооею и къ Титу), настолько же и цѣлю изслѣдованія, представляющаго на соисканіе ученой степени магистра богословія. Въ самомъ дѣлѣ, если еще вопросъ о лжеучителяхъ и лжеученіи затрогивается и въ другихъ священныхъ писаніяхъ Новаго Завѣта, то вопросы о послѣднемъ путешествіи св. Апостола Павла (1 Тим. I, 3) и о степеняхъ іерархіи (гл. III и V) нигдѣ въ другихъ новозавѣтныхъ писаніяхъ такъ ясно не намѣчаются и такъ обстоятельно, особенно послѣдній, не рѣшаются, какъ въ 1-мъ посланіи къ Тимооею. Съ другой

стороны, имѣи уже не только въ иностранной, но и въ русской богословской литературѣ для себя предшественниковъ въ изслѣдованіи объ этомъ посланіи, авторъ разсматриваемаго нами изслѣдованія. естественно, долженъ былъ обратить особенное вниманіе на то, чтобы сказать объ этомъ посланіи не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи по крайней мѣрѣ не менѣе того, что сказано у нихъ.

Сравненіемъ труда г. Полянскаго съ трудами его предшественниковъ въ изслѣдованіи 1-го посланія къ Тимоою, ближе всего на почвѣ русской богословской литературы, уже опредѣлится для насъ, хотя стчасти, его научное достоинство. Именно, мы имѣемъ: а) „Толкованіе пастырскихъ посланій св. Апостола Павла“ (въ томъ числѣ и 1-го къ Тимоою) въ Бозѣ почившаго епископа Теофана (Москва, 1882); б) „Посланія св. Апостола Павла къ Тимоою и Титу“ — священника Михаила Троицкаго (Казань. 1884) и в) „Подлинность посланій св. ап. Павла къ Тимоою и Титу. Критико-исагогическій опытъ“ (Кіевъ, 1888) — магистерскую диссертацию питомца нашей академіи А. М. Клитина. Но трудъ святителя Теофана, какъ составленный въ святоотеческомъ духѣ, для общаго назиданія, а не съ ученою цѣлю, является посему произведеніемъ совсѣмъ другого рода, нежели диссертация на ученую степень, каковою является трудъ г. Полянскаго. Трудъ о. М. Троицкаго много могъ пособить г. Полянскому въ рѣшеніи общихъ исагогическихъ вопросовъ касательно 1-го посланія къ Тимоою (біографія Тимоою, время, мѣсто и проч. написанія посланія, подлинность его и т. д.), но за то, ограничиваясь въ объясненіи текста лишь посланіемъ къ Титу, не могъ привести что-либо для II-й части его изслѣдованія. Наконецъ, трудъ г. Клитина, хотя и много рѣшаетъ вопросовъ, входящихъ въ составъ содержанія труда г. Полянскаго, но какъ имѣющій спеціальнымъ предметомъ своимъ вопросъ о подлинности пастырскихъ посланій и притомъ не сопровождаемый толкованіемъ посланій, оставляетъ за собою особое значеніе для русской богословской науки, не препятствующее научному значенію труда г. Полянскаго, какъ видно уже и изъ обозрѣнія содержанія послѣдняго. Особенно важно рѣшеніе вопросовъ, составляющихъ содержаніе I части этого

труда и всего болѣе—вопроса о степеняхъ іерархіи, имѣющаго, при изслѣдованіи о первомъ посланіи къ Тимоѳею, первостепенное значеніе—и догматическое, и каноническое, и церковно-практическое, и церковно-историческое. Весьма важно также, по связи съ тѣмъ, въ трудѣ г. Полянскаго, глубоко проникающее собою мысль Апостола и широко раскрывающее се изъясненіе текста посланія, всюду сопровождаемое строго-научными филологическими, археологическими и другими изслѣдованіями и въ то же время твердо опирающееся на древле-православномъ, святоотеческомъ толкованіи его.

Само собою разумѣется, въ такомъ большомъ трудѣ, какъ въ разсматриваемый нами, дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, промаховъ и т. п., отъ которыхъ едва ли можетъ считать себя свободнымъ и всякій трудъ человѣческой, какъ бы онъ ни былъ тщательно очищенъ ученою критикою, ибо—*humanum est errare*; кромѣ того и взгляды на дѣло могутъ быть различны. Такъ, напримѣръ, хотя у о. Троицкаго, у г. Клитина и преосвящ. Феофана уже есть ісагогическія свѣдѣнія о I-мъ посланіи къ Тимоѳею, однако, намъ кажется, для полноты дѣла, они отнюдь не лишни были бы и въ трудѣ г. Полянскаго и ихъ въ правѣ ожидать всякій читатель этого труда по самому заглавію послѣдняго. Эти свѣдѣнія можно было бы собрать въ особую главу въ I части, которая тогда соотвѣтственнѣе была бы второй части и по объему; а безъ того они, будучи разсѣяны тамъ и сямъ въ I и II части, теряются для яснаго и цѣльнаго ихъ представленія во множествѣ другихъ предметовъ вниманія читателя, нагляднѣе и сильнѣе, нежели они, отмѣченныхъ у автора. Затѣмъ, если въ первой части, исторической, помѣщенъ довольно объемистый, какъ особый, отдѣлъ о степеняхъ іерархіи, то почему не сообщено въ той же части и о діакониссахъ и особенно вдовицахъ, о которыхъ также нарочито идетъ рѣчь въ посланіи и о которыхъ поему автору пришлось вести рѣчь во II части (стр. 780 и дал., 906 и дал., 917 и дал.) болѣе подробно, чѣмъ о другихъ предметахъ изъясненія? Далѣе, во II части, при всей обстоятельности изъясненія текста, замѣтно, что къ концу труда вниманіе изслѣдователя какъ бы уже утомилось и потому во второй половинѣ этой части таковое

изъясненіе не такъ обстоятельно и удовлетворительно, какъ въ первой половинѣ той же части. Можно было бы указать также на нѣкоторые недостатки въ объясненіи греческой терминологіи посланія (напр. *χαρις*, стр. 447, *δικαιος*, стр. 512 и дал. и др.), въ изложеніи мыслей словами (напр. 340, 658 и др.) и т. д. Но все это—недостатки, съ одной стороны, несущественные, устранимые даже при печатаніи, а съ другой—условные, и не могутъ идти въ сравненіе съ достоинствами разсматриваемаго труда. А эти достоинства, кромѣ указанныхъ выше, суть: 1) *Обстоятельность* изслѣдованія. Авторъ изучилъ предметъ изслѣдованія и относящіеся къ нему источники и пособія въ возможной для него полнотѣ и подробностяхъ, принявъ во вниманіе для сего и иностранную и отечественную литературу. Его начитанность въ области этой литературы поражаетъ своею громадностію, и нѣтъ ни одной стороны дѣла въ предметѣ изслѣдованія, которую бы онъ упустилъ изъ вниманія и не обследовалъ въ большей или меньшей полнотѣ. 2) *Самостоятельность*. Авторъ не затерялся во множествѣ предлежавшаго ему матеріала литературнаго и подлежащихъ его разсмотрѣнію общихъ и частныхъ вопросовъ и предметовъ, не увлекся взглядами различныхъ ученыхъ, нерѣдко противоположными взаимно и часто имѣющими видъ заслуживающихъ довѣрія. Пользуясь когда нужно тѣмъ или другимъ взглядомъ, толкованіемъ и под. ученаго (напр. Гофмана, стр. 628, и др.), авторъ въ другихъ случаяхъ смѣло и со властію полнаго хозяина дѣла критикуетъ взгляды ученыхъ (напр. стр. 630 въ отношеніи къ тому же Гофману; см. также стр. 212, 294, 788—789 и др. въ отношеніи къ другимъ ученымъ) и идетъ своею дорогою. 3) *Добросовѣстность* работы. Авторъ всюду, по возможности, провѣряетъ и труды другихъ по первоисточникамъ и свои изслѣдованія по источникамъ и наилучшимъ справочнымъ книгамъ, добирается до крайнихъ основаній и корней дѣла и особенно въ отношеніи къ библейскому тексту тщателенъ, изучивъ его съ примѣрной внимательностію. — 4) Боже же всего заслуживаетъ одобренія *строго-православное* направленіе автора въ его изслѣдованіи. Опираясь, ближе всего, на истолкованіе Священнаго Писанія самимъ же Писаніемъ съ помощію параллельныхъ мѣстъ, авторъ какъ

во многихъ случаяхъ истолкованія библейскаго текста, такъ и въ рѣшеніи взятыхъ для изслѣдованія вопросовъ крѣпко основывается на святоотеческомъ ученіи и церковномъ преданіи (правила св. Апостолъ, св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и проч.), для чего см. напр. стр. XV, 391, 395, 399, 410, 426, 685, 715 и мн. др. и, когда представляется надобность, успѣшно борется, на такомъ твердомъ основаніи, съ противными православію взглядами римскаго католичества и протестантства (стр. 262, 417 и др.).

Все это даетъ основаніе къ признанію автора разсматриваемаго труда вполне заслуживающимъ искомой имъ ученой степени.“

Справка: 1) § 31 Положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени: „Сочиненіе, представленное на степень магистра богословія и признанное удовлетворительнымъ, должно быть напечатано, но въ совѣтъ академіи для разсмотрѣнія оно можетъ быть представлено и до напечатанія, въ рукописи четкой и чистой“. 2) По § 32 того же Положенія „ищущіе степени магистра богословія обязаны представить ректору академіи по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до защищенія 50 экземпляровъ напечатанной диссертаци“. 3) Кандидатъ богословія П. Полянскій представилъ въ совѣтъ свое сочиненіе въ рукописи. 4) По § 81 лит. а. п. 10 устава духовныхъ академій „одобреніе къ напечатанію сочиненій, написанныхъ на соисканіе ученыхъ степеней“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ совѣтомъ академіи.

Опредѣлили: Согласно отзывамъ рецензентовъ, дозволить помощнику инспектора академіи Петру Полянскому печатать его магистерское сочиненіе, а сужденіе о коллѣктивумѣ имѣть по представленіи имъ о. ректору академіи узаконеннаго количества экземпляровъ напечатанной диссертаци.

VII. Прошеніе учителя Починковскаго духовнаго училища, кандидата богословія, Никандра *Тихомирова*:

„Представляя при семъ свое сочиненіе въ печатномъ видѣ подъ заглавіемъ: „Галицкая митрополія“,—на соисканіе степени магистра богословія, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи дать дѣлу надлежащее движеніе“,

Справка: По § 81 лит. а. п. 6 устава духовныхъ академій „распоряженіе о разсмотрѣніи диссертаций на ученые степени и оцѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ совѣтомъ академіи.

Опредѣлили: Сочиненіе преподавателя Починковского духовнаго училища Никандра Тихомирова передать для разсмотрѣнія ординарному профессору по кафедрѣ русской гражданской исторіи Василию *Ключевскому*.

VIII. Записки профессоровъ Н. Заозерскаго и В. Кшнарисова и бібліотекаря П. Колосова о выпискѣ книгъ, которые они считаютъ нужнымъ приобрести для академической бібліотеки.

Справка: I. Къ выпискѣ представлены слѣдующія книги:

1) *Завьяловъ*. Циркулярные указы Святѣйшаго Синода 1867—1895. Спб. 1896.

2) *Сборникъ* опредѣленій соединенныхъ присутствій 1-го и 2-го кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. Изд. Министр. Юстиціи. Спб. 1896.

3) *Дювернуа*. Изъ курса лекцій по русскому гражданскому праву. Т. 1. Изд. 2. Спб. 1896.

4) *Поворинскій*. Систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданского и уголовному. Спб. 1896.

6) Алфавитный указатель каноническихъ постановленій, указовъ, опредѣленій и распоряженій Святѣйшаго Правительствующаго Синода (1721—1895) и гражданскихъ законовъ, относящихся къ духовному вѣдомству. Изд. *Каланникова* 2-е. Харьковъ.

6) *Градовскаго*. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Издано подъ редакціей П. М. Коркунова Спб. 1895.

(проф. Н. Заозерскимъ).

7) *Титовъ*, Ѳ. Митрополитъ Московскій Макарій Булгаковъ. Т. I. Кіевъ, 1895.

8) *Пьвницкій*. Изъ исторіи гомилетики. Средневѣковыя Гомилетики. Кіевъ, 1895.

9) *Барсовъ*. Очерки изъ исторіи христіанской проповѣди, выпуски I—III. Харьковъ, 1893—1895 г.

(Проф. В. Кшнарисовымъ).

10) *Свѣтловъ*. Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія.

11) *Ровинскій*. Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.в., изд. 1895 г.

12). *Силвестръ*, епископъ. Ученіе о церкви въ первые три вѣка христіанства.

(библіотекаремъ Н. Колосовымъ.)

II. Означенныхъ книгъ въ академической библіотекѣ не имѣется.

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Николаю Колосову выписать для академической библіотеки означенныя въ запискахъ книги и о послѣдующемъ представить правленію академіи.

IX. Отношеніе Директора Императорской Публичной Библіотеки за № 195:

„Въ Императорской Публичной Библіотекѣ не имѣются „Обозрѣнія предметовъ, назначенныхъ для открытаго испытанія студентовъ Московской духовной академіи при окончаніи 1-го, 3-го, 5-го, 10-го, 12-го, 13-го, 15-го и 16-го учебныхъ курсовъ“. Предполагая, что дублетные экземпляры таковыхъ „Обозрѣній“, можетъ быть, находятся въ библіотекѣ академіи, имѣю честь обратиться въ совѣтъ академіи съ покорнѣйшею просьбой пополнить, если возможно, этотъ пробѣлъ въ отечественномъ книгохранилищѣ“.

Справка: По заявленію библіотекаря Н. Колосова дублетные экземпляры „Обозрѣнія предметовъ для открытаго испытанія студентовъ Московской духовной академіи“ имѣются въ академической библіотекѣ лишь 5-го, 13-го, 15-го и 16-го учебныхъ курсовъ.

Опредѣлили: Означенные въ справкѣ дублетные экземпляры „Обозрѣній“ выслать Г. Директору Императорской Публичной Библіотеки.

X. а) Отношеніе Конференціи Историко-филологическаго Института Князя Безбородко отъ 23 марта за № 417, при коемъ препровожденъ для библіотеки академіи XV томъ „Извѣстій Института“.

б) Письмо на имя о. ректора академіи священника Ревельскаго Преображенскаго Собора Карпа Тизика, при коемъ препровождена для академической библіотеки состав-

ленная имъ книга: „Исторія Ревельскаго Преображенскаго Собора“.

Опредѣлили: Книги сдать въ фундаментальную библиотеку и благодарить за пожертвованіе ихъ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Апр. 22. Постановленіе по статьѣ пятой утверждается; прочее къ исполненію“.

19 апрѣля и 3 мая.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи архимандрита Лаврентія, члены совѣта академіи, кромѣ профессоровъ А. Смирнова и В. Кинарисова, не присутствовавшихъ по болѣзни.

Въ собраніяхъ сихъ кандидаты богословія, окончившіе курсъ въ Московской духовной академіи въ 1895 году и оставленные при академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ: нравственнаго богословія—Николай *Городенскій* и исторіи русской церкви—Сергій *Смирновъ* прочитали, согласно опредѣленіямъ совѣта академіи отъ ¹²/₁₃ іюня 1895 года и 23 февраля 1896 года, по двѣ пробныхъ лекціи: на темы по собственному избранію: „Нравственное значеніе страданій съ христіанской точки зрѣнія“ (Городенскій) и „Значеніе Печорскаго монастыря въ начальной исторіи русской церкви и общества“ (Смирновъ) и по назначенію совѣта академіи: „Отношеніе нравственности и религіи“ (Городенскій) и „О посланіяхъ Артемія, игумена Троицкаго“ (Смирновъ). Прочитанныя кандидатами Городенскимъ и Смирновымъ лекціи совѣтомъ академіи признаны удовлетворительными.

Справка: 1) § 48 устава духовныхъ академій: „для полученія званія доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра“. 2) По § 55 того же устава, кандидаты, оставляемые при академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ кафедръ, „по истеченіи года представляютъ отчетъ совѣту о своихъ занятіяхъ и затѣмъ могутъ быть опредѣляемы на соотвѣтственныя ихъ приготовленію вакантныя кафедры, съ званіемъ исправляющихъ должность доцента, до окончательнаго утвержденія въ степени магистра. Срокъ для полученія ими сей степени назначается не болѣе двухъ

лѣтъ со дня поступленія на должность“. 3) По § 81 лит. б. п. 4 устава избраніе кандидатомъ на должность доцентовъ значится въ числѣ дѣлъ совѣта академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго. 4) Срокъ, на котораго оставлены при академіи кандидаты Городенскій и Смирновъ съ производствомъ имъ изъ особо назначенныхъ для того суммъ содержанія въ размѣрѣ 700 р. въ годъ каждому, оканчивается 15 августа текущаго 1896 года.

Опредѣлили: 1) Просить Его Высокопреосвященство разрѣшить совѣту академіи допустить къ чтенію лекцій по вакантнымъ кафедрамъ нравственнаго богословія и исторіи русской церкви кандидатомъ богословія Николая Городенскаго и Сергѣя Смирнова въ качествѣ исправляющихъ должность доцента съ 16 августа текущаго 1896 года. 2) Въ случаѣ удовлетворенія означенной просьбы совѣта Его Высокопреосвященствомъ, — объявить кандидатамъ Городенскому и Смирнову, что для опредѣленія на должность доцента академіи они должны получить степень магистра не позже двухъ лѣтъ со дня вступленія въ должность, т. е. съ 16 августа 1896 года, съ каковаго числа и начать имъ по означенной должности производство содержанія.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Мая 7. Опредѣленіе утверждается“.

4 мая.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ ректора академіи, архимандрита Лаврентія, члены совѣта академіи, кромѣ профессоромъ: В. Ключевскаго, А. Смирнова, В. Кипарисова и А. Введенскаго, не присутствовавшихъ по болѣзни, и В. Соколова, не присутствовавшего по семейнымъ обстоятельствамъ.

Слушали: I. а) Внесенные предѣдателями комиссій, производившихъ испытанія студентовъ и вольнослушателей IV курса, списки съ отмѣтками балловъ по отвѣтамъ, даннымъ ими на годичныхъ испытаніяхъ, кандидатскимъ сочиненіямъ, писаннымъ ими на IV курсѣ, а также отвѣтамъ и сочиненіямъ ихъ за первые три курса. По разсмо-

трѣннн снхъ списковъ и составленіи списка за четыре года академическаго курса оказалось, что изъ 73 студентовъ и 4 вольнослушателей 21 студентъ и 1 вольнослушатель имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ балъ не менѣе $4\frac{1}{2}$; у 47 студентовъ и 2 вольнослушателей средній балъ не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3—. Студенты Михаилъ Добротворскій, Василій Креминскій, Василій Рѣчкинъ, Пванъ Рѣчкинъ, Александръ Успенскій и вольнослушатель Борисъ Плескій — не представили кандидатскихъ сочяненій.

б) Отзывы преподавателей академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ студентовъ и вольнослушателей LI-го курса:

1. И. д. ординарнаго профессора Петра Казанскаго о сочиненіи студента *Алмазова Константина*: „Нравственное ученіе Св. Кипріяна Кароагенскаго“:

„Весьма объемистое сочиненіе г. Алмазова, заключающее въ себѣ 762 страницы, состоитъ изъ краткаго введенія и двухъ частей изслѣдованія.

Во *введеніи* (1—14 стр.) авторъ дѣлаетъ намекъ на задачу и планъ своего изслѣдованія, указываетъ, какого приѣма онъ держится при изложеніи ученія Св. Кипріяна, и указываетъ на свое отношеніе къ сочиненіямъ, написаннымъ другими о Св. Кипріянѣ.

Первая часть сочиненія (15—590) содержитъ въ себѣ шестнадцать главъ, въ которыхъ раскрывается ученіе Св. Кипріяна о томъ 1), что внѣ Церкви нѣтъ спасенія, 2) что спасеніе возможно только въ церкви, 3) о крещеніи и благодати, 4) о покаяніи, 5) іерархіи, 6) евхаристіи, 7) о Иисусѣ Христѣ, какъ образцѣ духовной жизни, 8) о нравственномъ единеніи вѣрующнхъ въ вѣрѣ и любви, 9) о герпѣнн, 10) о ревности и зависти, 11) о молитвѣ, 12) діаволѣ, мірѣ, бѣдствіяхъ жизни, 13) богатствѣ, благотворительности, зрѣлищахъ, удовольствіяхъ, 14) воздержаніи, цѣломудріи, дѣвствѣ, заботахъ о внѣшней красотѣ, 15) исповѣдничествѣ и мученичествѣ, 16) спасеніи, какъ конечной цѣли добродѣланія.

Вторая часть сочиненія (591—762) состоитъ изъ трехъ главъ, гдѣ дѣлается характеристика Св. Кипріяна, какъ пастыря и моралиста, говорится объ отношеніи его нрав-

ственнаго ученія къ ученію Тертулліана и наконецъ о значеніи Св. Кипріяна, какъ учителя нравственности, для нашего времени.

Авторъ съ усердіемъ изучалъ творенія Св. Кипріяна; самый перечень главъ сочиненія показываетъ, что авторъ разсмотрѣлъ ученіе св. отца съ многоразличныхъ сторонъ; ученіе его о каждомъ изъ указанныхъ частныхъ предметовъ, взятое само по себѣ, изложено авторомъ полно, довольно стройно, большею частью собственными словами Св. Кипріяна; съ достаточною полнотою и ясностью изложено ученіе Св. Кипріяна въ главахъ 9, 10, 11, 12 и 13.

Что касается второй части сочиненія, то изъ трехъ главъ, составляющихъ ее содержаніе, сравнительно лучше слѣдуетъ признать ту, въ которой авторъ дѣлаетъ характеристику Св. Кипріяна, какъ пастыря и учителя нравственности.

Но сочиненіе автора было бы гораздо лучше. 1) если бы онъ яснѣе опредѣлилъ задачу своего изслѣдованія; тогда онъ не сталъ бы въ своемъ сочиненіи излагать ученія Св. Кипріяна о такихъ предметахъ, которыхъ по смыслу темы автору не слѣдовало бы касаться; такъ напр. онъ не сталъ бы излагать ученія Св. Кипріяна о крещеніи, покаяніи, евхаристіи и пр., какъ о такихъ предметахъ, которые входятъ въ кругъ предметовъ догматики, а не нравственнаго богословія; 2) если бы при изложеніи ученія Св. Кипріяна авторъ руководился болѣе опредѣленнымъ и стройнымъ планомъ; а теперь при отсутствіи такого плана не видно, почему авторъ расположилъ главы своего сочиненія въ такомъ, а не иномъ порядкѣ, почему напр. за ученіемъ о терпѣннн слѣдуетъ изложеніе ученія св. отца о ревности и зависти, а далѣе о молигвѣ; и 3) если бы авторъ, дѣлая выдержки изъ твореній Св. Кипріяна, соблюдалъ разборчивость и мѣру въ этомъ отношеніи и ограничивался выпискою самыхъ существенныхъ и характерныхъ изреченій св. отца. Хотя сочиненіе отъ этого уменьшилось бы въ объемѣ, но не утратило бы своихъ внутреннихъ достоинствъ, напротивъ освободилось бы отъ растянутости и не утомляло бы читателя повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же мыслей. Излишество подробностей особенно замѣтно въ первой главѣ сочиненія, гдѣ авторъ дѣлаетъ слишкомъ много выписокъ

пъзъ твореній св. отца для изображенія нравственнаго разгльбнїя языческаго міра.

По имѣя въ виду, что многія стороны нравственнаго ученїя Св. Кириіана раскрыты авторомъ съ достаточною полнотою и ясностью, мы признаемъ, что рассматриваемое сочиненіе, не смотря на указанные его недостатки, даетъ автору право на полученіе степени кандидата богословія. Направленіе сочиненія строго — православное“.

2. Доцента Анатолия Спасскаго о сочиненіи студента *Арановича Сергѣя*: „Святый Амвросій Медиоланскій и его вѣкъ въ церковно-историческомъ отношеніи“:

„Трудно найти другую личность, — говоритъ г. Арановичъ во введеніи къ своему сочиненію, — вся жизнь и дѣятельность которой такъ тѣсно была бы связана и съ политической и съ церковной исторіей своего времени, какъ личность св. Медиоланскаго епископа (стр. XXXII)“. Поэтому, поставивши своей задачей „изображеніе церковно-государственныхъ отношеній“, какъ они сложились во вторую половину IV-го вѣка, онъ дѣлаетъ Св. Амвросія главнымъ центромъ, около котораго и группируетъ изучаемый имъ матеріалъ. Соотвѣтственно этому, во введеніи къ сочиненію онъ даетъ общую картину состоянія римской имперіи въ IV-мъ вѣкѣ и того положенія, какое занимала въ ней церковь; затѣмъ, въ первой главѣ излагаетъ біографическія свѣдѣнія о Св. Амвросіи до посвященія его въ епископы, подробно останавливаясь на влїяніи установившагося къ тому времени порядка избранія въ епископы и степени участія въ немъ свѣтской власти; во второй — говоритъ объ Амвросіи, какъ епископѣ, и раскрываетъ отношеніе между церковью и государствомъ по вопросу о церковныхъ имуществвахъ; три слѣдующія главы, имѣя своею связующею нитью рассказъ о дѣятельности Медиоланскаго епископа, изслѣдуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ узаконенія государства касательно ересей и язычества, изданныя до Θεодосія Великаго. Шестая глава отмѣчаетъ измѣненія, начавшіяся въ этой области со времени Граціана и Θεодосія Великаго, обрисовываетъ влїяніе епископовъ на гражданскія дѣла и заканчивается характеристикой личности Св. Амвросія. Наконецъ, небольшое заключеніе суммируетъ и разъясняетъ выводы, полученные

авторомъ во вопросу о церковно-государственныхъ отношеніяхъ въ IV-мъ вѣкѣ.

Принятый г. Арановичемъ планъ сочиненія вытекалъ изъ самой темы и потому долженъ былъ одобрень. Благодаря именно этому плану, авторъ не запутался въ массѣ матеріала, подлежавшаго его изученію, и сумѣлъ написать свое сочиненіе связно и занимательно. Въ особую похвалу ему должно поставить то, что онъ успѣлъ близко ознакомиться съ литературнымъ наслѣдствомъ, оставшимся послѣ Амвросія, и главнымъ образомъ съ его перепискою, которую (какъ и другія цитируемыя имъ творенія Амвросія) онъ читалъ въ подлинномъ текстѣ. Ему извѣстны также и важнѣйшія существующія въ наукѣ изслѣдованія по изучаемымъ имъ вопросамъ; изъ нихъ наиболѣе часто онъ пользуется трудами Förster'a и Böhringer'a объ Амвросіи, Richter'a по исторіи западной половины римской имперіи въ IV вѣкѣ, Loening), а по исторіи церковнаго права и др., оставаясь при этомъ въ своихъ выводахъ на вполнѣ православной точкѣ зрѣнія. Сочиненіе его довольно обширно и свидѣтельствуетъ какъ о начитанности автора, такъ и о трудолюбіи его.

На ряду съ этими похвальными чертами сочиненія встрѣчаются въ немъ и недостатки. Анализъ возрѣній Св. Амвросія, предлагаемый г. Арановичемъ, не всегда такъ обстоятеленъ, какъ этого можно было бы ожидать отъ человѣка, ознакомившагося съ твореніями знаменитаго епископа. Нерѣдко онъ довольствуется однимъ эпизодичнымъ рассказомъ о томъ или другомъ дѣйствіи Амвросія, не выясняя его изъ идеи, руководившей этимъ дѣйствіемъ. Далѣе, имѣются въ сочиненіи и нѣкоторыя необдуманная фразы, обличающія поспѣшность работы; такъ, въ одномъ мѣстѣ Св. Іоаннъ Златоустъ называется каппадокійцемъ (стр. 33), въ другомъ къ отцамъ церкви причисляются Климентъ Александрійскій, Оригенъ и Дидимъ (стр. 37). Та же поспѣшность работы отражается и на языкѣ сочиненія, въ которомъ можно читать нетерпимыя русскимъ синтаксисомъ сочетанія, напр. „самостоятельность Медиоланскаго *митрополита* отъ епископа Римскаго“, или: „особенность Медиоланскаго богослуженія *отъ* богослуженія Римскаго (стр. 30)“ и др. Но всѣ эти недостатки въ значительной мѣрѣ извиняются

обширностью темы, не оставившей автору времени для тщательной отдѣлки деталей сочиненія, и потому не могутъ служить препятствіемъ къ по лученію имъ степени кандидата богословія“.

3. Ординарнаго профессора Василя Ключевского о сочиненіи студента *Вориллова Осипа*: „Церковный приходъ въ связи съ устройствомъ мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ XVII в“:

„Авторъ самъ ограничить свою задачу, заявивъ во введеніи, что она состоитъ только въ томъ, чтобы „показать устройство церковно-общественной жизни приходо^въ XVII вѣка, и что поэтому всѣ явленія церковно-приходской жизни, имѣвшія свою историческую судьбу и полагавшія свое начало въ предшествовавшее время“, у него остаются не объясненными. Согласно съ задачей, такъ поставленной, авторъ объясняетъ, что такое былъ церковный приходъ въ XVII вѣкѣ, указываетъ его отношеніе къ мѣстнымъ единицамъ государственнаго административнаго дѣленія, описываетъ участіе міра въ церковно-приходскихъ дѣлахъ и участіе приходскаго духовенства въ мірскихъ дѣлахъ, строеніе приходскаго храма и средства его содержанія, наконецъ составъ, выборъ и положеніе церковнаго причта. Все это изложено въ краткомъ сжатомъ очеркѣ. Авторъ пользовался болѣе всего изданіями Археографической Коммиссіи и особенно изданными ею недавно актами Устюжской и Холмогорской епархіи. Онъ внимательно изучалъ источники, которыми успѣлъ воспользоваться, умѣетъ обобщать однородныя явленія, воздерживаясь отъ излишнихъ подробностей, но въ сжатомъ изложеніи не всегда достаточно полно развиваетъ и достаточно точно выражаетъ свою мысль. Думаю, что сочиненіе можно признать заслуживающимъ степени кандидата“.

4. Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Боголюбова Николая*: „Пантеизмъ. Понятіе о немъ, его виды и несостоятельность“:

„Обширное (X+868 стр.) сочиненіе г. Боголюбова состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ, отстраняя не удовлетворяющія его въ томъ или другомъ отношеніи понятія о пантеизмѣ, устанавливаетъ свое собственное, — понятіе съ космологической точки зрѣнія и именно такое: „пантеизмъ есть такая философская система, которая, полагая въ основу частнаго (индивидуальнаго)

бытія общіе и неизмѣнные законы, считаетъ эти законы законами самой Божественной природы, вслѣдствіе чего индивидуальное бытіе и бытіе верховной Первопричины или Силы приводитъ къ единому процессу жизни или единому существованію“ (стр. 238; ср. также разъясненіе сущности пантеизма на стр. 232—4, 240—2, 591—5). Во второмъ отдѣлѣ онъ устанавливаетъ принципъ для классификаціи видовъ пантеизма и находитъ, опять-таки съ космологической точки зрѣнія, такихъ видовъ два: пантеизмъ субстанціальный и органическій (см. краткую характеристику этихъ типовъ на стр. 275—7). Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ доказываетъ коренную несостоятельность пантеизма какъ въ примѣненіи къ частнымъ вопросамъ (Личность Божества, свобода воли, цѣлесообразность міра), такъ и въ его принципѣ, т. е. въ его основномъ космологическомъ тезисѣ.

Такова схема сочиненія (подробнѣе содержаніе его см. въ началѣ сочиненія—въ „Оглавленіи“). Конечно, въ такомъ обширномъ сочиненіи, какъ разсматриваемое, при сравнительной краткости времени, употребленнаго на его составленіе, были неизбѣжны нѣкоторые недостатки и недосмотры. И, дѣйствительно, сочиненіе г. Боголюбова отъ нихъ не вполне свободно. Такъ, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе недостаточное отграниченіе имъ второстепеннаго отъ существеннаго: напр., свое несогласіе съ чужими сужденіями онъ иногда излагаетъ и мотивируетъ такъ-же подробно, какъ и свои положительные взгляды; дѣлаетъ нерѣдко (особенно въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ) уклоненія въ сторону, вдаваясь въ разъясненіе слишкомъ спеціальныхъ вопросовъ общаго историко-философскаго и философско-критическаго характера и т. д. Во вторыхъ, можно упрекнуть иногда автора за невыдержанность его (въ общемъ, какъ мы видѣли, весьма яснаго и отчетливаго) плана: такъ, напр., критическія замѣчанія противъ пантеизма онъ высказываетъ въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ поводамъ, вмѣсто того, чтобы объединить ихъ въ одномъ мѣстѣ.—въ концѣ сочиненія. Въ третьихъ, сочиненіе не во всѣхъ частяхъ одинаково обработано въ формально-литературномъ отношеніи: замѣчается въ немъ нѣкоторая неравномѣрность въ распредѣленіи труда и матеріала (напр., вопросу о суб-

станціальному пантеизмѣ отводятся страницы 357—449, а органическому—всего только 419—426 стр.); въ иныхъ мѣстахъ мысли автора изложены недостаточно отчетливо (стр. отмѣчены на поляхъ сочиненія); въ другихъ не безупреченъ даже и стиль. Наконецъ, по частнымъ вопросамъ замѣчается иногда у автора нѣкоторое колебаніе, какъ-бы нерѣшительность мысли, которая изобличаетъ взглядъ еще не вполне установившійся и не доведенный до конца ¹⁾).

Однако, эти недостатки сочиненія г. Боголюбова,—недостатки, которые и сами по себѣ, очевидно, не могутъ быть признаны существенными, такъ какъ касаются лишь формы и внѣшней стороны сочиненія, и поэтому легко могли бы быть исправлены, если бы авторъ обладалъ большимъ срокомъ времени для написанія своего сочиненія,—не только уравновѣшиваются, но и совершенно отступаютъ предъ *выдающимися научными достоинствами* его въ другихъ, болѣе существенныхъ, отношеніяхъ: предъ его *широкою эрудиціею, глубиною и богатствомъ мыслей, критическою осторожностію* въ приговорахъ, изобличающею въ авторѣ чисто *научный тактъ* и пр. Отлично подготовленный къ занятію наукою (авторъ свободно пользуется какъ древними, такъ и тремя новыми языками), способный отъ природы къ философін и широко знакомый съ ея литературою, необычайно серьезный и честный въ отношеніи къ наукѣ, ея правиламъ и требованіямъ, авторъ написалъ сочиненіе, которое, если и не всегда вполне удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ, то по крайней мѣрѣ никогда не теряетъ ихъ изъ виду. Уже простое перелистываніе сочиненія и поверхностный просмотръ его цитациі показываютъ, что на него потрачена *масса труда*. Проверка же цитациі съ несомнѣнною убѣждаетъ, что это не есть, какъ не рѣдко бываетъ во многихъ не только студенческихъ, но и печатныхъ сочиненіяхъ, лишь показная цитация, взятая изъ вторыхъ и даже изъ третьихъ рукъ, чтобы поразить и спутать читателя мнимою ученостію, но—плодъ *тщательнаго отношенія автора къ дѣлу*,—его стремленія удовлетворить коренному научному требова-

¹⁾ Кромѣ перечисленныхъ недостатковъ на поляхъ сочиненія отмѣчены вами и другіе, менѣе значительные, касающіеся частностей

нію, — требованію *основательности* и *точности*. Авторъ прочиталъ по-гречески фрагменты философіи элеатовъ (по Муллаху) и Эннеады Плотина; по-латыни — Спинозу; по-нѣмецки относящихся къ области его вопроса части сочиненій Бема, Фихте, Шеллинга, Гегеля и, сверхъ того, изучилъ такую массу такъ называемыхъ „вторыхъ“ источниковъ, какъ для исторической, такъ и для критической части своего обширнаго труда, что въ списокъ изученной имъ литературы (приложенъ въ началѣ сочиненія) трудно было бы указать какой-либо достойный упоминанія пропускъ. Далѣе, ознакомившись съ литературою вопроса, авторъ успѣлъ настолько овладѣть матеріаломъ и разобраться въ перекрестныхъ точкахъ зрѣнія на пантеизмъ и запутанныхъ сужденій о немъ, что *выработалъ свою самостоятельную точку зрѣнія*, на которой и держится (конечно, не вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ) съ начала и до конца своего сочиненія. Наконецъ, онъ не только выработалъ себѣ ясное понятіе о сущности и формахъ пантеизма, но намѣтилъ путь (опять-таки съ своей точки зрѣнія и самостоятельно) къ разоблаченію его коренной логической несостоятельности, — кромѣ обычныхъ возраженій противъ пантеизма, отравляющихся, какъ извѣстно, главнымъ образомъ отъ разсмотрѣнія его слѣдствій. Такимъ образомъ *сочиненіе г. Боголюбова представляетъ изъ себя основательное, тщательно выполненное, въ основѣ своей хорошо продуманное и законченное цѣлое*. Авторъ, можно сказать, *первый* разсматриваетъ вопросъ о пантеизмѣ такъ всесторонне и беретъ его въ его философскихъ основаніяхъ: о пантеизмѣ говорилось и говорится часто, но принципиальнаго и яснаго объ немъ сказано не много.

Выдающееся по своимъ научнымъ достоинствамъ, разсматриваемое сочиненіе безупречно и со стороны направленія. Авторъ ни на минуту не теряетъ изъ виду, что пантеизмъ есть врагъ Христіанства и Церкви, — врагъ опасный, потому что внутренний; что, поэтому, православный богословъ долженъ чутко стоять на стражѣ и, призванный отстаивать чистоту и истинность православія, не долженъ дѣлать пантеизму никакихъ уступокъ, какъ бы обольстительно иногда ни звучали его рѣчи и какъ бы невинны ни казались иногда уступки, которыхъ добиваются его со-

знательные и бессознательные послѣдователи. „Извѣстно, — пишетъ авторъ въ своемъ краткомъ предисловіи, — что не столько зла приносятъ Церкви въ ея дѣлѣ спасенія рода человѣческаго враги внѣшніе, сколько внутренніе, разрушающіе ея основныя положенія какъ догматическія, такъ и нравственныя, а пантеизмъ именно къ этому и стремится. Онъ не отрицаетъ бытія Божія, не отрицаетъ и религіозной жизни, напротивъ, повидимому, придаетъ ей высокое значеніе. Прочтите вдохновенныя рѣчи Бруно, возьмите разсужденіе объ аффектахъ, рабствѣ и истинной свободѣ такого сухого мыслителя, какъ Спиноза, обратитесь, наконецъ, къ пламеннымъ воззваніямъ Фихте къ народу, — и вы увидите, какая восторженная религіозность царитъ въ этихъ сердцахъ, какой внутренней пылъ, какое горячее стремленіе почитать Бога волнуетъ ихъ! Но было бы поспѣшно увлекаться этими мимолетными движеніями сердца; еще нѣсколько страницъ или даже строчекъ, — и вы почувствуете какъ эта восторженность разрѣшается холоднымъ поцѣлуемъ, лобзаніемъ Иуды: рядомъ съ этими быстро несущимися струями жизни — безличнѣйшій Богъ, мертвая, неподвижная „субстанція“, рядомъ съ пламенной молитвой и сердечнымъ умиленіемъ — „естественный, неумолимый законъ“, рядомъ съ истинной свободой — бездѣятельное спокойствіе мудреца, созерцающаго непрерывную смѣну картинъ, и наконецъ — рядомъ съ униженіемъ человѣческой личности — горделивое сознаніе ея превосходства. „Намъ не нужно Бога Помощника и Покровителя, мы сами устроимъ свою жизнь, сами создадимъ себѣ райское блаженство, возьмите и распните Его, какъ человѣка, нарушающаго законъ, не хранящаго субботы и стремящагося разрушить храмъ Бога Всевышняго“: вотъ тѣ послѣднія слова, которыми заканчивается и вдохновенная рѣчь средне-вѣковаго монаха и пламенное воззваніе современнаго преподавателя философскихъ наукъ“!.. — Въ этихъ словахъ намѣчена та точка зрѣнія, которою опредѣляется *направленіе* сочиненія автора.

Въ виду всего вышеннеложенаго, мы признаемъ сочиненіе г. Боголюбова не только *вполнѣ достойнымъ степени кандидата богословія, но и заслуживающимъ особеннаго поощренія, какъ сочиненіе выдающееся*; самого же автора позволяемъ себѣ рекомендовать нарочитому вниманію со-

вѣта, какъ *человѣка способнаго, весьма трудолюбиваго и хорошо подготовленнаго* къ служенію богословской наукѣ“.

5. Экстраординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Богоявленскаго Григорія*: „Библейско-отеческое ученіе о сущности вѣчныхъ мученій“:

„Сказавши кратко о постепенности въ раскрытіи ученія объ адскихъ мученіяхъ въ книгахъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта и въ святоотеческой письменности, г. Богоявленскій истолковываетъ затѣмъ ученіе объ этихъ мукахъ Ветхаго и, особенно подробно, Новаго Завѣта, руководствуясь ученіемъ Отцовъ и учителей Церкви. Вторичными пособіями служили ему сочиненія повѣйшихъ богослововъ, преимущественно русскихъ: Юнгерова, Стукова, Олесницкаго, Пономарева, іеромонаха Митрофана, Виноградова и другихъ, а изъ иностранныхъ Клифота, Фальке, Вернера. Хотя нѣкоторыми произведеніями святоотеческой литературы, напр., Толкованіемъ Андрея Кесарійскаго на Апокалипсисъ, авторъ пользовался, повидимому, изъ вторыхъ рукъ; но вообще онъ обнаружилъ знакомство съ литературою изслѣдованнаго имъ предмета значительное и для выполненія его задачи достаточное. Заимствуя матеріалъ изъ первоисточниковъ и второстепенныхъ пособій, онъ говоритъ о способѣ изображенія адскихъ мученій въ Священномъ Писаніи, объ идеѣ воздаянія и суда въ Ветхомъ Завѣтѣ, о шеолѣ, его обитателяхъ и ихъ состояніи и раскрываетъ новозавѣтное ученіе о мѣстѣ мученій, о состояніи мучимыхъ, о видахъ ихъ мученій, особенно объ огнѣ геенскомъ, рѣшая при этомъ вопросъ о томъ, будетъ-ли этотъ огонь чувственный, или духовный.

Одно изъ крупныхъ достоинствъ сочиненія то, что авторъ его не пускается въ произвольныя догадки и постоянно въ основу своихъ разсужденій полагаетъ авторитетныя ученія и мнѣнія, разсуждаетъ обдуманно и въ православномъ духѣ.

Онъ заслуживаетъ степени кандидата“.

6. Экстраординарнаго профессора Александра Шостыина о сочиненіи студента *Веригина Евфрема*: „Отношеніе школы къ Церкви“:

„Сочиненіе г. Веригина заключаетъ въ себѣ небольшое

введеніе и пять главъ изслѣдованія. Во *введеніи* (стр. I—XXI) указывается значеніе даннаго вопроса и современное положеніе его на Западѣ и въ Россіи, а потомъ намѣчается планъ всего изслѣдованія. Въ основу этого плана положено различеніе *внутренней* связи школы съ церковію и связи ихъ *внѣшней*. „Связь школы съ церковію,—говоритъ авторъ,—можетъ быть двоякая: внутренняя и внѣшняя. Первая выражается въ томъ, что школа всецѣло проникается духомъ церкви, покоится на основахъ христіанской религіи и нравственности, главною цѣлю своей дѣятельности ставитъ религиозно-нравственное воспитаніе, а главнымъ предметомъ своего курса поставляетъ религиозное обученіе, видя въ своемъ воспитанникѣ прежде всего и главнѣе всего христіанина и члена церкви,—словомъ, является школою вполне и строго *христіанскою*. А такъ какъ христіанство (историческое) существуетъ въ формѣ различныхъ вѣроисповѣданій, распадается на нѣсколько отдѣльныхъ церквей, различающихся между собою какъ со стороны нѣкоторыхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія, такъ и со стороны своей организациіи и проникающаго ихъ духа, то и школа, принадлежащая послѣдователямъ опредѣленнаго вѣроисповѣданія, чтобы сохранить свою дѣйствительную связь съ церковію, должна быть проникнута духомъ своего вѣроисповѣданія и предлагать своимъ воспитанникамъ христіанское вѣроученіе въ формѣ, опредѣляемой этимъ вѣроисповѣданіемъ,—должна быть школою *конфессіональною*.—Внѣшняя связь школы съ церковію касается внѣшней организациіи школы; эта связь сохраняется тогда, когда школа находится подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ представителей церкви—духовенства—и когда преподаваніе главнаго, по крайней мѣрѣ, предмета школьнаго курса—Закона Божія—находится въ рукахъ духовныхъ лицъ, которымъ преимущественно предъ прочими ввѣрено дѣло наставленія и наученія членовъ церкви,—какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей“ (стр. XII—XIII).—Такое различеніе внутренней и внѣшней связи съ Церковію школы послѣдовательно проходитъ чрезъ все сочиненіе. Поставивъ себѣ задачу—дать рѣшеніе вопроса, основанное на изученіи исторіи его, авторъ подробно разсматриваетъ, какъ обсуждалась теоретически и какъ выражалась фактически внутренняя и внѣш-

няя связь школы съ церковію на всемъ протяженіи историческаго существованія христіанской школы.

Первая глава изслѣдованія (1—72 стр.) посвящена разсмотрѣнію взаимныхъ отношеній христіанской школы и церкви въ древнѣйшія времена христіанства, — „когда жизнь христіанскаго общества во всѣхъ своихъ проявленіяхъ была проникнута духомъ и началами христіанства и когда отношенія школы къ церкви наиболѣе приближались къ своей идеальной высотѣ“. Здѣсь довольно обстоятельно, хотя и не по первоисточникамъ, излагаются воззрѣнія на христіанскую школу знаменитѣйшихъ Отцовъ и учителей церкви, указываются относящіеся сюда (немногія) постановленія соборовъ и гражданскаго законодательства, наконецъ, — характеризуется учебно воспитательная практика древнихъ огласительныхъ училищъ и другихъ христіанскихъ школъ первыхъ восьми вѣковъ. Въ результатъ — выводъ: за весь этотъ періодъ не слышалось голосовъ и не было попытокъ къ отдѣленію школы отъ церкви.

Во *второй* главѣ (стр. 73—165) авторъ обзрѣваетъ отношенія школы къ церкви со времени Карла Великаго до начала XVIII в. и показываетъ, какъ постепенно стали измѣняться эти отношенія съ конца XI в., и каковы были причины, подготовившія и усилившія въ обществѣ стремленіе къ отдѣленію школы отъ церкви. Первые шаги къ этому отдѣленію были сдѣланы средневѣковыми университетамъ и такъ называемыми „городскими“ школами. Но спеціальному теоретическому обсужденію вопросъ этотъ въ указанное время еще не подвергался.

Предметомъ горячихъ и даже ожесточенныхъ споровъ онъ сдѣлался уже въ XVIII в. и таковымъ остается на Западѣ доселѣ. Изложенію этихъ-то споровъ pro и contra связи школы съ церковію посвящена дальнѣйшая *третья* глава (стр. 166—360) сочиненія г. Веригина, при чемъ авторъ старается показать, какъ отразились различныя теоретическія рѣшенія даннаго вопроса на развитіи фактическихъ отношеній школы къ церкви. Обстоятельно изложивъ взгляды педагоговъ-филантропинистовъ, авторъ съ особенною подробностію останавливается далѣе на сужденіяхъ Дистервега и Рихтера, этихъ типичнѣйшихъ противниковъ церковной школы, ратовавшихъ за такую постановку народ-

наго обученія и воспитанія, которая одинаково пригодилась бы не только для христіанъ различныхъ вѣроисповѣданій, но вмѣстѣ и для магометанъ съ іудеями. Въ самомъ изложеніи возрѣній этихъ педагоговъ авторъ хорошо выясняетъ *противо-христіанскій* (не только *противо-церковный*) характеръ ихъ и затѣмъ съ большимъ искусствомъ противопоставляетъ имъ столь же подробное и отчетливое изложеніе взглядовъ педагоговъ — защитниковъ конфессіональной школы — Пальмера, Штробеля, Дурша и Кельнера, утверждающихъ необходимость самой тѣсной связи школы съ церковію, связи не только внутренней, но и внѣшней.

Слѣдующая *четвертая* глава (стр. 361—580) представляетъ очеркъ отношеній школы къ церкви въ нашемъ отечествѣ. Разсмотрѣніе историческихъ судебъ русской школы приводитъ автора къ заключенію, что „въ до-Петровской Руси школа была учрежденіемъ исключительно церковнымъ, не только въ дѣйствительности, но и въ сознаніи всего русскаго общества, — потому не могло быть и вопроса о сравнительныхъ преимуществахъ церковной школы и какой-нибудь другой“ (стр. 420). Возможность такого вопроса является уже со времени Петра Великаго, „когда на-ряду съ церковной школой возникаетъ школа свѣтская, государственная, и когда, слѣдовательно, явилась возможность сравненія двухъ типовъ школы“. Но до самой эпохи Александра II вопросъ этотъ не былъ еще предметомъ общаго литературнаго обсужденія. Тому обсужденію онъ сталъ подвергаться лишь съ начала шестидесятыхъ годовъ. И подъ вліяніемъ западной педагогики, рѣшавшей въ то время этотъ вопросъ преимущественно въ отрицательномъ смыслѣ, многіе русскіе педагоги стали усердно ратовать за освобожденіе школы, если не отъ внутренней, то по крайней мѣрѣ отъ внѣшней связи ея съ церковію. Авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на этой эпохѣ и подробно излагаетъ доводы Толстовской „Ясной Поляны“, Евг. Маркова, В. Стоюнина и др., требовавшихъ для народной школы свободы отъ вліянія духовенства. За изложеніемъ этихъ доводовъ слѣдуютъ столь же внимательно изложенные противоположные доводы митр. Филарета, еписк. Оеофана, арх. Никанора, Н. П. Гилярова-Платонова, П. С. Аксакова, С. А. Рачинскаго и др. отечественныхъ педа-

гоговъ—поборниковъ церковной школы. Въ заключеніи главы дѣлается обзоръ правительственныхъ мѣропріятій касательно церковно-приходскихъ школъ съ 1884 г. и до самаго послѣдняго времени.

Наконецъ, въ *пятой* главѣ (стр. 581—652) дается положительное рѣшеніе поставленнаго вопроса, при чемъ необходимость тѣсной внутренней связи школы съ церковію выводится изъ понятія о цѣли и средствахъ воспитанія, а необходимость связи внѣшней опредѣляется конфессіональнымъ характеромъ народной школы (такъ какъ христіанская школа не конфессіональная признается авторомъ невозможною по психологическимъ основаніямъ).

Изложенное содержаніе разсматриваемаго сочиненія ясно показываетъ, какой трудъ подъялъ на себя авторъ. Большая часть сочиненія написана по самымъ первоисточникамъ и обнаруживаетъ въ авторѣ добросовѣстное изученіе обильнаго матеріала при хорошемъ навыкѣ разбираться въ немъ. Мысль автора всегда ясная, здравая и логически-последовательная, языкъ правильный и легкій.

На степень кандидата богословія сочиненіе даетъ автору полное право“.

7. Ординарнаго профессора Петра Цвѣткова о сочиненіи студента *Веселовскаго Николая*: „Догматическое ученіе Св. Амвросія Медиоланскаго“:

„Сочиненіе студента Веселовскаго представляетъ полное изложеніе догматической системы Св. Амвросія Медиоланскаго. Съ особенною обстоятельностью изложено ученіе сего Святаго Отца Церкви о тѣхъ догматахъ, которые въ IV вѣкѣ, вслѣдствіе значительнаго распространенія ересей—аріанства и манихейства, наиболѣе были раскрываемы, именно: о Лицѣ Иисуса Христа и о происхожденіи зла въ мірѣ. Въ изложеніи же ученія о Церкви и таинствахъ, и, вообще, въ послѣднихъ отдѣлахъ сочиненія замѣтна нѣкоторая поспѣшность.

Въ своемъ сочиненіи авторъ не мало пользуется и трудами католическихъ, а равно протестантскихъ богослововъ. Но пользуется, большею частію, критически и не довѣряясь имъ слѣпо. Иногда онъ и полемизируетъ съ ними (такъ на стран. 376 и слѣд., излагая мысли Святителя Медиоланскаго объ Евхаристіи, оспариваетъ сужденія и выводы протестанта Фёрстера). Но въ очеркѣ сужденій Св. Амвро-

сія о значеніи вѣры и добрыхъ дѣлъ и объ отношеніи благодати Божіей къ свободной волѣ чловѣка приведены авторомъ преимущественно такія мѣста изъ сочиненій Святителя Медиоланскаго, въ которыхъ онъ возвышаетъ значеніе вѣры на счетъ добрыхъ дѣлъ и придаетъ почти исключительно оправдывающую силу благодати Божіей, чрезъ что придается нѣкоторая протестантская окраска ученію Св. Амвросія объ оправданіи.

Тщательность, съ которою авторомъ собраны мысли и сужденія Св. Амвросія о догматахъ христіанской вѣры, заслуживаетъ полной похвалы. Къ сожалѣнію, авторъ недостаточно разъяснилъ нѣкоторую неопредѣленность въ догматическомъ ученіи Святителя Медиоланскаго (напр. въ рѣшеніи вопроса: за всѣхъ людей пріялъ смерть Господь Иисусъ Христосъ или только за вѣрующихъ въ Него)?

Есть въ сочиненіи г. Веселовскаго нѣкоторыя выраженія (напр. на стр. 138), которыхъ православный богословъ долженъ избѣгать. По неправославныхъ мыслей и сужденій нѣтъ“.

8. Экстраординарнаго профессора Василія Кипарисова о сочиненіи студента *Волковскаго Дмитрія*: „Пресвященный Никаноръ, Архіепископъ Херсонскій, какъ проповѣдникъ“:

„Для оцѣнки проповѣдничества преосв. Никанора едва ли еще наступило время, хотя и при жизни проповѣдника въ печати уже встрѣчались довольно опредѣленныя сужденія относительно нѣкоторыхъ его проповѣдей. Но г. Волковскій съ мужествомъ, достойнымъ имени во всякомъ случаѣ незауряднаго проповѣдника, взялся за свой предметъ, не смущаясь ни недостаточностью матеріаловъ для критической оцѣнки Никанора, ни тѣмъ неудобствомъ, въ которомъ необходимо оказывается всякій изслѣдователь и критикъ, когда ему приходится какъ-бы стоять предъ свѣжей еще могилой разбираемаго дѣятеля. Недостатокъ соотвѣтствующихъ матеріаловъ авторъ старался восполнить кропотливымъ изученіемъ всего, гдѣ такъ или иначе упоминается имя преосв. Никанора, а второе изъ неудобствъ для своей работы—старался уравнивать тѣмъ, что не скрывалъ въ знаменитомъ проповѣдникѣ и того, что хвалить въ немъ автору не позволяло его разсужденіе и чувство чѣры,— хотя отношеніе его къ пр. Никанору самое уважительное.

почти благоговѣйное. Что же вышло изъ трудовъ г. Волковскаго?

Вышло прежде всего то, что сочиненіе его осталось неоконченнымъ, не смотря на то, что оно довольно объемисто (360 стр.). Какъ видно изъ стр. 67—68, а также изъ особо приложеннаго къ сочиненію конспекта, представленная часть сочиненія есть только „первая часть“. Въ этой части, кромѣ довольно обширнаго общаго введенія (стр. 1—68), дано „содержаніе проповѣдей“ преосв. Никанора, изложенное по обычно употребляемымъ въ такихъ случаяхъ рубрикамъ. При этомъ изложеніи содержанія авторъ поступаетъ такъ: изъ разныхъ мѣстъ сводитъ разсужденіе проповѣдника объ однородныхъ предметахъ, сопоставляетъ ихъ, гдѣ нужно объясняетъ и комментируетъ; тамъ, гдѣ проповѣдникъ оказывается невѣрнымъ самому себѣ, онъ, если то окажется возможнымъ, объясняетъ причину разнорѣчія (стр. 314, 335, 339, 268 и др.); тамъ, гдѣ нельзя согласиться съ проповѣдникомъ, высказываетъ свои соображенія, почему нельзя,—причемъ иныя изъ критическихъ заключеній автора должны быть названы весьма дѣльными (напр. стр. 94, 315 и др.), или же—миѣнію преосв. Никанора противопоставляетъ миѣніе другого авторитетнаго богослова (напр. на стр. 334, по вопросу о значеніи театра). Иногда, впрочемъ, теоріи преосв. Никанора остаются безъ заключеній (напр. стр. 229, 243), можетъ быть, потому, что г. Волковскій о нихъ много миѣнія, чѣмъ какого повидному онѣ заслуживаютъ. Хорошо также заключеніе объ источникѣ тѣхъ преувеличеній въ проповѣдническихъ обличеніяхъ Никанора, какое даетъ намъ авторъ на стр. 9—10.—Во второй части своего сочиненія авторъ предполагалъ говорить: „объ источникахъ, которыми пользовался Никаноръ при раскрытіи своихъ мыслей, затѣмъ—о формахъ (его) проповѣдей и внѣшнемъ характерѣ ихъ“, и въ концѣ концовъ „предполагалъ опредѣлить мѣсто Никанора, какъ церковнаго оратора, въ исторіи русскаго проповѣдничества, и сказать о культурно-историческомъ значеніи его проповѣдей“ (стр. 68). Но вторая часть, какъ мы знаемъ, не появилась въ свѣтъ.

Въ практикѣ нашей академіи, какъ извѣстно, фактъ неоконченности сочиненія самъ по себѣ не почитался пре-

пятствіемъ къ удостоенію автора неоконченнаго сочиненія степени кандидата богословія. Съ своей стороны не считаю и я это обстоятельство препятствующимъ удостоенію этой степени г. Волковскаго, такъ какъ представленная часть написана совершенно удовлетворительно, и чего-либо противнаго ученію церкви въ себѣ не заключаетъ“.

9. Экстраординарнаго профессора Александра Бѣльева о сочиненіи студента *Воскресенскаго Василія*: „Библейско-огоческое ученіе о благодатныхъ дѣйствіяхъ таинства Евхаристіи“:

„Г. Воскресенскій не изъясняетъ библейскаго ученія объ Евхаристіи, и все сочиненіе его съ начала до конца посвящено изложенію и раскрытію святоотеческаго ученія объ Евхаристіи. Но такъ какъ Отцы и Учители Церкви писали объ Евхаристіи на основаніи словъ Писанія и изъясняли эти послѣднія, то въ сочиненіи г. Воскресенскаго косвеннымъ образомъ содержится разъясненіе и библейскаго ученія объ Евхаристіи.

Святоотеческою литературою онъ пользовался по русскимъ перездамъ ея, но за то онъ ознакомился съ ученіемъ Отцевъ и Учителей Церкви объ Евхаристіи непосредственно изъ ихъ сочиненій и только ученіе Оригена и Тертуліана онъ бралъ изъ сочиненія профессора Катавскаго.

Ученіе Отцовъ и Учителей Церкви объ Евхаристіи онъ изложилъ и раскрылъ не исторически, а систематически. Онъ раскрываетъ ученіе ихъ о великой важности Евхаристіи, объ отношеніи причащенія къ Голгоѣской жертвѣ, объ отношеніи причащающагося ко Христу, къ Святой Троицѣ, къ добрымъ и злымъ духамъ, къ окружающимъ людямъ, къ настоящей и будущей жизни, и въ особенности долго останавливается на разъясненіи ученія Отцевъ и Учителей Церкви о значеніи причащенія для самого чловѣка. Въ концѣ сочиненія авторъ его рѣшается, довольно впрочемъ поверхностно, на основаніи святоотеческаго ученія, вопросъ о томъ, какое особенное благодатное дѣйствіе производитъ причащеніе на чловѣка въ отличіе отъ другихъ таинствъ.

Многочисленные выписки изъ сочиненій Отцевъ и Учителей Восточной и Западной Церкви и довольно удачная систематизація ихъ ученія объ Евхаристіи свидѣтельствуютъ

о значительности труда автора. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что онъ не раздѣлилъ своего сочиненія на главы.

Степени кандидата богословія онъ заслуживаетъ“.

10. Ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о сочиненіи студента *Гаева Кузьмы*: „Религіозно-нравственное міросозерцаніе болгарскаго народа по памятникамъ народнаго творчества“:

„Сочиненіе г. Гаева (258 стр.) состоитъ изъ введенія и двухъ частей изслѣдованія.

Въ краткомъ введеніи (стр. 3—13) послѣ общихъ замѣтокъ о трудности опредѣлить народное міросозерцаніе по памятникамъ устнаго творчества, авторъ устанавливаетъ планъ своего труда. „Мы находимъ нужнымъ,—говоритъ авторъ не совсѣмъ складно,—изложить религіозное міросозерцаніе болгарскаго народа въ библейскомъ порядкѣ, какъ слѣдуютъ библейскія событія, для соблюденія извѣстнаго порядка при изложеніи исторіи возрѣній. Это будетъ составлять историческую сторону религіознаго міросозерцанія. Метафизическая сторона будетъ обнимать нѣкоторыя положенія ученія христіанской религіи, а также и разныя вѣрованія народа. Вторая часть должна заключать въ себѣ нравственныя возрѣнія болгарскаго народа на жизнь“.

(стр. 9—10). Особенный интересъ самъ авторъ труда усматриваетъ во второй части своего изслѣдованія, такъ какъ „пятивѣковое турецкое иго, отличавшееся необузданнымъ произволомъ надъ судьбою простаго болгарина, послужило причиной развитія глубокой нравственности въ народѣ, который съ отвращеніемъ отзывается о разныхъ порокахъ своихъ ненавистныхъ владѣтелей, презирая отъ души ихъ и сохраняя свою нравственность въ христіанскомъ духѣ“ (стр. 10—11). Съ благодѣтельнымъ якобы вліяніемъ рабства на развитіе глубокой нравственности въ болгарскомъ народѣ отнюдь нельзя согласиться. Да и самъ авторъ на стр. 103—104 говоритъ, что благодаря рабству у болгарскаго народа „притупилось сознаніе человѣческихъ правъ. Простые болгары являются крайними фаталистами“. А на стр. 240—247 авторъ передаетъ содержаніе яко бы народныхъ болгарскихъ пѣсенъ, изображающихъ крайнее растлѣніе правовъ даже въ болгарскомъ духовенствѣ. Пѣсни эти впрочемъ автору не слѣдовало помѣщать въ свою дис-

сертацию, такъ какъ онѣ не имѣютъ права на высокое названіе „народныхъ“: вѣдь не все, что тамъ или здѣсь поютъ, непременно народное! Недостатокъ „введенія“ автора—въ томъ, что 1) не дано необходимыхъ предварительныхъ понятій о произведеніяхъ народнаго творчества, ихъ характерѣ, достоинствѣ и значеніи для даннаго вопроса, и 2) не дано необходимыхъ свѣдѣній о тѣхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ, которыми располагалъ авторъ. Въ какихъ мѣстностяхъ болгарскихъ поются тѣ или иныя пѣсни? Насколько онѣ распространены? Каковы общій характеръ и достоинство сборниковъ? Отвѣтовъ на эти вопросы можно бы уже и потому ожидать отъ автора, что онъ и самъ причастенъ къ дѣлу собранія памятниковъ народнаго творчества и иногда приводитъ выдержки изъ пѣсенъ своего собранія.

Первая часть (стр. 13—183) дѣлится на два отдѣла, а отдѣлы раздѣляются—первый на семь главъ, второй—на пять главъ. Въ семи главахъ перваго отдѣла предлагаются пересказъ и краткій разборъ народныхъ пѣсенъ, т. н. „церковныхъ“, имѣющихъ своимъ предметомъ библейскія и церковныя лица и событія; въ пяти главахъ втораго отдѣла первой части излагаются религіозныя вѣрованія болгаръ и суевѣрія. Вторая часть (184—258) раздѣляется на четыре главы и разсматриваетъ нравственныя понятія болгаръ.

Нельзя сказать, чтобы предметъ обслѣдованъ былъ авторомъ глубоко и всесторонне: самъ авторъ признаетъ неполноту второй части, объясняя ее недостаткомъ времени (стр. 253). Встрѣчаются иногда противорѣчія въ сужденіяхъ автора. Напр. настр. 14 онъ говоритъ, „что преданія о сотвореніи міра и человѣка у болгарскаго народа мы не встрѣчали или по крайней мѣрѣ не встрѣтили въ тѣхъ памятникахъ, которыми пользовались“, а на стр. 17-ой передается народный рассказъ, въ началѣ котораго „упоминается и о твореніи міра и человѣка“. На стр. 89: „вопросъ о религіи и Богѣ вовсе не занимаетъ простого человѣка“ и— „требованія ума—вѣры и Бога—вполнѣ наполняютъ душу простого человѣка“. Неоправданная мысль, будто „христианство утвердило языческія воззрѣнія на колдовство и чародѣевъ“ (стр. 146). —Языкъ сочиненія г. Гаева—довольно нескладный; кромѣ того переписчикомъ допущено много

ореографическихъ ошибокъ. Но авторъ видимо не мало трудился для своего сочиненія. Отдѣльныя главы первой части и первыя три главы второй части представляются довольно удовлетворительными. Примѣняя же къ автору, какъ иностранцу, наименьшія требованія отъ кандидатской диссертацин, могу признать сочиненіе г. Гаева удовлетворительнымъ для полученія кандидатской степени“.

11. Ординарнаго профессора Николая Каптерева о сочиненіи студента *Голубева Ивана*: „Объ агиографіи во времена митрополита Макарія“:

„Сочиненіе студента IV курса Ивана Голубева: „Объ агиографіи во времена митрополита Макарія“ состоитъ изъ трехъ частей: вступленія, въ которомъ авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ состоянія агиографіи до митрополита Макарія; самого изслѣдованія, гдѣ авторъ подвергаетъ подробному и обстоятельному анализу нѣсколько житій святыхъ, представляющихъ изъ себя или новую переработку во времена Макарія уже ранѣе написанныхъ жатій, или же житія вновь при немъ написанныя. Въ заключеніи авторъ дѣлаетъ краткіе выводы изъ своего изслѣдованія.

Авторъ тщательно изучилъ сочиненія предшествовающихъ ему русскихъ ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіемъ житій святыхъ, и при свѣтѣ уже добытыхъ ими результатовъ приступилъ къ самостоятельному обслѣдованію нѣсколькихъ житій святыхъ, находящихся въ рукописныхъ сборникахъ нашей академической и нашей лаврской бібліотекъ. При этомъ авторъ показалъ полное умѣнье пользоваться рукописнымъ матеріаломъ, значительную долю самостоятельности. выразившуюся между прочимъ и въ нѣкоторыхъ поправкахъ предшествовающихъ изслѣдователей, умѣнье относиться къ матеріалу критически, подмѣчать въ немъ характерное и выдающееся, причемъ изложеніе автора отличается ясностію, точностію и выразительностію.

Сочиненіе г. Голубева признаю вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

12. Экстраординарнаго профессора Василія Кипарисова о сочиненіи студента *Горшкова Александра*: „Высокопреосвященный Михаилъ Десницкій, Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербурскій, какъ проповѣдникъ“:

„Сочиненіе г. Горшкова состоитъ изъ четырехъ частей.

Послѣ введенія (стр. 1—32) авторъ въ *первой* части изображаетъ главныя черты жизни митр. Михаила, отъ рожденія до кончины († 1821 г.), (стр. 33—224), при чемъ, въ концѣ этой части, касается и вопроса объ изданіяхъ сочиненій митр. Михаила (стр. 191—210). Нельзя не отмѣтить здѣсь, въ похвалу автору, что ему удалось поправить общепринятое мнѣніе, что труды Михаила начали издаваться съ 1817 года: въ нашей академической библіотекѣ онъ розыскалъ изданія прошлаго столѣтія, до сихъ поръ бывшія неизвѣстными (о семъ стр. 194 и далѣе). Для біографіи же проповѣдника имъ перечитано, сколько мнѣ извѣстно, все, встрѣчавшееся до сихъ поръ въ печати. Задачу остальныхъ частей сочиненія самъ авторъ формулируетъ такъ: „представить Михаила какъ проповѣдника въ связи съ историческими фактами той эпохи, въ какую онъ жилъ и дѣйствовалъ — дать историческое освѣщеніе его трудамъ“ (стр. 221). И выполнять эту задачу авторъ начинаетъ съ того, что „изображаетъ умственное и религіозное состояніе тогдашняго общества“, и выясняетъ „отношеніе къ этому (?) проповѣдниковъ того времени, и въ частности митр. Михаила“ (стр. 224). Въ изображеніи умственнаго состоянія тогдашняго общества автору, разумѣется, по свойству дѣла, собрать и привести въ порядокъ оставалось только уже общезвѣстное. По отношенію Михаила „къ педугамъ времени“ представлено авторомъ довольно удовлетворительно (стр. 306—386): это и составляетъ *вторую* часть сочиненія. Часть *третью* составляетъ то, что можно выразить какъ — нравственное ученіе проповѣдника въ его отношеніи къ потребностямъ времени (стр. 386—505), и наконецъ *четвертую* часть составляетъ вопросъ объ особомъ явленіи у насъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія — о мистицизмѣ (стр. 505 до конца). Но собственно въ примѣненіи къ вопросу о проповѣдничествѣ митр. Михаила авторъ коснулся мистицизма — не много: именно онъ рассмотрѣлъ, каково было отношеніе *проповѣдника* къ мистическому движенію (стр. 530—546). — Заключение сочиненія составляетъ изложеніемъ замѣчаній о внѣшней сторонѣ произведеній митр. Михаила, и замѣчаній этихъ также не много.

Хотя въ сочиненіи г. Горшкова подвергнуты рассмотрѣнію тѣ вопросы, которые необходимо разсматривать въ

гомилетическомъ изслѣдованіи; однако же нельзя не признать, что сочиненіе его нѣсколько страдаетъ растянутостію, въ особенности въ первой его половинѣ. Характеристикѣ русскаго общества первой четверти текущаго столѣтія отведено слишкомъ много мѣста; но характеристика эта читателю, сколько-нибудь знакомому съ дѣломъ, не даетъ ничего новаго, а иногда эта характеристика строится на основаніи свидѣтельствъ едва-ли совершенно безпристрастныхъ и компетентныхъ. Въ то же время встрѣчаются явныя историческія неточности. Авторъ, напримѣръ, смѣшиваетъ (стр. 37) Московскую славяно-греко-латинскую академію съ Московской духовной академіей, въ ту эпоху, о которой говоритъ авторъ, еще не существовавшей. Тѣмъ не менѣе пужно признать, что изслѣдовать шестнадцать томовъ проповѣдей митр. Михаила составляетъ трудъ порядочный, и авторъ разсматриваемаго сочиненія заслуживаетъ степени кандидата богословія. Чего-либо несогласнаго съ ученіемъ Православной Церкви въ сочиненіи г. Горшкова не замѣчено“.

13. Экстраординарнаго профессора Ивана Корсунскаго о сочиненіи студента *Грановскаго Дамасія*: „Книга Премудрости Соломоновой, какъ памятникъ греческаго языка и его литературы“:

„Сочиненіе г. Грановскаго состоитъ изъ предисловія (стр. 1 — 3), замѣняющихъ собой введеніе библіологическихъ свѣдѣній о книгѣ Премудрости Соломоновой (стр. 3 — 32) и грехъ главъ изслѣдованія, разсуждающихъ, — первая — объ особенностяхъ книги Премудрости въ словоупотребленіи сравнительно съ классиками, переводомъ LXX и Новымъ Завѣтомъ (стр. 33 — 151), — вторая — объ *ἡμῶν ἀποστολῆς* книги (стр. 151 — 278) и третья — о разночтеніяхъ текста книги и о литературномъ ея употребленіи (стр. 279 — 306).

Сочиненіе, какъ первый опытъ ученой работы въ этомъ родѣ богословской литературы, не свободенъ отъ недостатковъ. Эти недостатки суть: а) неясность сознанія плана сочиненія, обнаруживающаяся въ недостаткѣ полноты разсмотрѣнія сторонъ предмета; б) поспѣшность работы, зависѣвшая, конечно, отъ краткости времени, находившагося въ распоряженіи автора, на что не разъ ссылается и самъ

онъ (напр. на стр. 128, 149), и имѣвшая своимъ послѣдствіемъ недостаточность обработки и того, что авторъ предположилъ для изслѣдованія; в) неустойчивость и неточность нѣкоторыхъ представленій и понятій (напр. о времени происхожденія книги Премудрости Соломоновой, какъ это открывается изъ сличенія сказаннаго на стр. 27, 28 и особенно 30 съ сказаннымъ на стр. 278; — о такъ называемыхъ *Ἰσαξ λεγόμενα* книги, при чемъ, начиная съ стр. 207 и дал., подвергаются изслѣдованію вовсе уже не *Ἰσαξ λεγόμενα*, въ точномъ и строгомъ смыслѣ понимаемыхъ) и нѣкоторые другіе промахи филологическіе, хронологическіе и иные. При всемъ томъ сочиненіе обнаруживаетъ и несомнѣнные достоинства. И прежде всего оно заслуживаетъ вниманія, какъ первый, согласно сказанному выше, опытъ изслѣдованія въ настоящемъ родѣ литературы не только отечественной, но и иностранной и при томъ опытъ, можно сказать, удачный, за исключеніемъ показанныхъ его недостатковъ. Затѣмъ, полной похвалы заслуживаетъ тщательный трудъ подбора всѣхъ, по возможности, словъ употребляемыхъ въ книгѣ Премудрости для филологическаго ихъ изслѣдованія. Вообще лексикографическая, а отчасти и грамматическая работы автора въ отношеніи къ этой книгѣ и по сравненію ея съ другими памятниками греческой словесности языческой и христіанской, опирающіяся на лучшихъ и капитальнѣйшихъ лексикографическихъ и филологическихъ трудахъ ученыхъ Запада и Россіи (напр. Шлейснера по отношенію къ переводу LXX, — Стурца по отношенію къ языку этого перевода и другихъ, — не каноническихъ, апокрифическихъ и проч. книгъ, писанныхъ такъ называемымъ *κοινή διαλέκτος*, — Гримма, Поспѣхова и др. по отношенію къ самой книгѣ Премудрости Соломоновой), заслуживаютъ полнаго вниманія и одобренія по своей тщательности и дѣлаютъ честь трудолюбію автора. Наконецъ, достойно похвалы и доброе направленіе автора, который въ своемъ сочиненіи обнаружилъ обильное знакомство съ священной и церковною литературою христіанства, усвоилъ и провелъ православный взглядъ на предметъ изслѣдованія.

Поэтому сочиненіе, для удостоенія автора его степени кандидата богословія, можно признать вполне удовлетворительнымъ“.

14. Экстраординарнаго профессора Александра Шостыина о сочиненіи студента *Добротина Николая*: „Педагогическія воззрѣнія Св. Іоанна Златоуста“:

„Во *введеніи* (стр. 3—25) авторъ разъясняетъ взаимное отношеніе между пастырскою дѣятельностію и педагогической, насколько объ этомъ отношеніи можно судить по сочиненіямъ Св. Іоанна Златоуста, и затѣмъ говоритъ о значеніи этихъ сочиненій для педагоговъ, особенно—русскихъ.

Далѣе, въ *первой* части изслѣдованія (стр. 26 — 80) дается очеркъ воспитанія самого І. Златоуста и краткая характеристика его личности, а также рисуется картина общественнаго воспитанія того времени, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ. Все это, представляя глубокой историко-педагогическій интересъ, служить еще къ большему пониманію педагогическихъ воззрѣній Св. Отца.

Самое же изложеніе этихъ воззрѣній заключается во *второй* части изслѣдованія (стр. 81—193). Не отличаясь строгою систематичностію, изложеніе автора стремится къ возможной полнотѣ и точной передачѣ мыслей Св. Отца. Наболѣе важныя и оригинальныя изъ нихъ подчеркиваются и отгѣляются съ достаточною рельефностію. Можно лишь пожалѣть о томъ, что авторъ не сдѣлалъ сравненія педагогическихъ воззрѣній Св. Іоанна Златоуста съ соотвѣтствующими воззрѣніями другихъ знаменитыхъ Отцовъ Церкви, ближайшихъ къ нему по времени.

Литературною особенностію разсматриваемаго сочиненія является обиліе ненужныхъ эниграфовъ: въ началѣ сочиненія поставлено *три* эниграфа (изъ соч. К. Д. Ушинскаго), да предъ второй частью — *два* (изъ соч. Іоанна Златоуста).

Для степени кандидата богословія сочиненіе слѣдуетъ признать удовлетворительнымъ“.

15. Ординарнаго профессора Николая Каптерева о сочиненіи студента *Дрозда Михаила*: „Лже-митрополить Исидоръ. -- (Его жизнь и дѣятельность до назначенія на русскую митрополию)“:

„Сочиненіе студента IV курса Михаила Дрозда: „Лже-митрополить Исидоръ.—(Его жизнь и дѣятельность до назначенія на русскую митрополию)“ — обнимаетъ собою не-

ріюль жизни Исидора до вступленія на русскую митрополичью кафедру.

Чтобы понять значеніе труда автора и то обстоятельство, почему онъ свой трудъ объ Исидорѣ довелъ только до вступленія его на русскую митрополичью кафедру, нужно принять во вниманіе, что ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ нѣтъ отдѣльной объ Исидорѣ монографіи. Во-вторыхъ, всѣ русскіе и иностранные писатели, такъ или иначе касавшіеся личности Исидора, обыкновенно говорятъ о немъ только какъ о русскомъ митрополитѣ и главномъ дѣятелѣ на Флорентійскомъ соборѣ, но почти ничего не говорятъ о его предшествующей жизни, тѣмъ болѣе что и современники Исидора, оставившіе намъ описаніе Флорентійскаго собора, въ своихъ повѣствованіяхъ обыкновенно умалчиваютъ относительно происхожденія, воспитанія, жизни и дѣятельности Исидора до поставленія его въ русскіе митрополиты. Слѣдовательно, намъ авторъ взялся освѣтить тотъ темный періодъ жизни Исидора, о которомъ доселѣ не было сколько-нибудь достаточныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній и который поэтому, конечно, обходился всѣми предшествующими изслѣдователями. Нашъ авторъ вполне удачно разрѣшилъ принятую на себя и оставшуюся доселѣ неразрѣшенною учеными задачу: онъ намъ обстоятельно выяснилъ, что такое былъ Исидоръ до своего поставленія на русскую митрополичью кафедру. Оказывается, что Исидоръ происходилъ и воспитался въ православной семьѣ, что онъ былъ человѣкъ очень даровитый, прекрасно образованный, особенно въ смыслѣ тщательнаго и широкаго изученія древнихъ классическихъ произведеній, что онъ былъ завзятый патріотъ-грекъ; оказывается, что Исидоръ былъ византійскій гуманистъ, весь проникнутый гуманистическими идеалами и симпатіями, что онъ находился въ перепискѣ съ современными выдающимися итальянскими гуманистами, къ кружку которыхъ онъ такъ тѣсно примыкалъ, раздѣляя всѣ ихъ стремленія и симпатіи; оказывается, что Исидоръ, какъ гуманистъ, довольно индифферентно относился къ богословію и разрывъ церковнымъ вопросамъ, что онъ прямо не придавалъ никакого серьезнаго значенія различію церквей восточной и западной, причины ихъ раздѣленія считалъ слишкомъ маловажными.

неоправдывающими самого раздѣленія. Вотъ такого - то человѣка константинопольскій императоръ. въ надеждѣ получить отъ латинскаго запада помощь погибающей подъ ударами турокъ Византіи, и сдѣлалъ своимъ орудіемъ для заключенія уніи съ Римомъ. Въ качествѣ императорскаго посла Исидоръ уже дѣйствовалъ на Базельскомъ соборѣ въ духѣ уніи съ Римомъ, а потомъ, поставленный императоромъ русскимъ митрополитомъ съ прямою цѣлю привлечь къ уніи и русскую церковь, Исидоръ и на Флорентійскомъ соборѣ дѣйствовалъ такъ, какъ и ожидалъ отъ него императоръ.

Откуда однако нашъ авторъ почерпнулъ указанныя новыя для русской науки свѣдѣнія объ Исидорѣ? Дѣло объясняется слѣдующимъ: профессоръ В. Регель, занимаясь въ Ватиканской библіотекѣ, случайно нашелъ греческій кодексъ съ письмами Исидора, изъ которыхъ шесть писемъ (очень большихъ), относящихся къ жизни Исидора до поставленія въ русскіе митрополиты, онъ и издалъ въ подлинникѣ (на греческомъ языкѣ), снабдивъ ихъ своими примѣчаніями (на латинскомъ языкѣ). Нашъ авторъ тщательно изучилъ эти письма Исидора, изданныя Регелемъ, извлекъ изъ нихъ все, что нужно было для его цѣли, и присоединивъ къ нимъ тѣ данныя, какія уже ранѣе имѣлись объ Исидорѣ, написалъ обстоятельную монографію объ Исидорѣ до его поставленія на кафедрѣ русскаго митрополита. Желательно было бы, чтобы авторъ продолжилъ свой интересный трудъ.

Сочиненіе г. Дрозда вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

16. П. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Запольскаго Матвѣя*: „Догматика первыхъ расколоучителей. Историко-полемическій очеркъ“:

„Настоящее сочиненіе, при небольшомъ сравнительно объемѣ (219 стр.), производитъ впечатлѣніе труда серьезнаго. Авторъ усердно и вдумчиво изучилъ сочиненія первыхъ расколоучителей въ интересахъ разработки своей темы съ точки зрѣнія историко-полемическихъ задачъ и кратко, но ясно и документально изложилъ результаты своего изученія. Къ числу указанныхъ достоинствъ его работы нужно присоединить спокойно-объективный, чуждый полемической

запальчивости, тонъ изложешя, при которомъ его сочиненіе, тѣмъ не менѣе, сохраняетъ постоянно характеръ изслѣдованія апологетическаго по отношенію къ православной Церкви и обличительнаго по отношенію къ расколу. Все это — такія свойства, которыя заставляютъ отозваться о сочиненіи г. Запольскаго съ большою похвалою. Недостаткомъ сочиненія является его неполнота (сравнительно съ планомъ, намѣченнымъ въ началѣ): авторъ внимательно проанализировалъ и выяснилъ общій характеръ догматики первыхъ расколоучителей и указалъ тѣ историческія условія, среди которыхъ онъ опредѣлился, но не представилъ, согласно намѣченному плану, подробнаго анализа частныхъ положеній раскольнической догматики, хотя и успѣлъ попутно коснуться большинства этихъ частныхъ въ представленной работѣ. Впрочемъ, и въ томъ видѣ, въ какомъ оно читается теперь, сочиненіе г. Запольскаго представляетъ трудъ достаточно законченный, дающій автору право на полученіе искомой степени“.

17. Ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о сочиненіи студента *Заржицкаго Игнатія*: „Георгій Конисскій архіепископъ Бѣлорусскій (1717—1795 гг.)“:

„Обширное (XVIII+660 стран.) сочиненіе г. Заржицкаго состоитъ изъ предисловія и двухъ частей изслѣдованія.

Въ предисловіи указана связь дѣятельности преосв. Георгія съ историческими событіями XVIII в. въ западно-русскомъ краѣ, перечислены источники и изслѣдованія по данному предмету съ указаніемъ относительнаго значенія каждаго изъ нихъ и намѣченъ планъ изслѣдованія. Согласно съ этимъ планомъ сочиненіе автора раздѣляется на двѣ части: жизнеописаніе и литературную характеристику письменныхъ трудовъ преосв. Георгія, при чемъ каждая часть подраздѣляется на нѣсколько главъ (пять главъ въ первой и двѣ главы во второй части).

Въ первой главѣ первой части (стр. 1—44) излагается первый до-епископскій періодъ жизни Георгія Конисскаго— до начала преподавательской дѣятельности его въ Кіевской духовной академіи. Во второй главѣ (45—109) изображается преподавательская дѣятельность Георгія въ званіи учителя, префекта и ректора Кіевской академіи, при чемъ дается оцѣнка философскихъ и богословскихъ чтеній его, какъ

первыхъ опытовъ системъ по философіи и богословію. Въ третьей главѣ (109 — 164), представляющей какъ бы введеніе къ слѣдующимъ главамъ (четвертой, пятой), авторъ представляетъ очеркъ состоянія православной церкви и русскаго народа въ Бѣлоруссіи въ XVIII в. до назначенія Георгія Бѣлорусскимъ епископомъ. Здѣсь, указавъ на фанатизмъ поляковъ и католическаго духовенства и вытекавшія изъ него политическія и религіозныя преслѣдованія православныхъ въ Бѣлоруссіи, авторъ изображаетъ бѣдственное положеніе простаго бѣлорусскаго народа, православнаго дворянства и духовенства, захваты церковныхъ земель, отнятіе православныхъ церковей и тщетность жалобъ православныхъ въ польскіе суды. Предложивъ затѣмъ краткій очеркъ защиты западно-русскаго народа русскимъ правительствомъ въ XVIII в., авторъ останавливается на послѣднихъ посягательствахъ польскаго фанатизма предъ назначеніемъ Георгія епископомъ Бѣлорусскимъ. Послѣднія двѣ главы первой части изображаютъ дѣятельность Георгія въ санѣ епископа: глава четвертая (164—331) посвящена обзору политической, церковной и просвѣтительной дѣятельности преосв. Георгія, продолжавшейся при польскомъ владычествѣ, а пятая (331 — 442) содержитъ такой же обзоръ дѣятельности архиепископа послѣ присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи. Въ частности, въ главѣ четвертой, послѣ изложенія обстоятельствъ, вызвавшихъ и сопровождавшихъ назначеніе Георгія Могилевскимъ епископомъ, изображаются заботы архиепископа объ основаніи въ Могилевѣ семинаріи, о возвращеніи земель и угодій, принадлежавшихъ могилевской кафедрѣ и дается подробная картина борьбы съ поляками и польскимъ духовенствомъ въ защиту правъ православныхъ подданныхъ Польши, до перваго раздѣла ея въ 1772 году, создавшаго новое положеніе и для могилевской епархіи. Въ пятой главѣ изображается дѣятельность преосв. Георгія послѣ присоединенія Бѣлоруссіи къ Россіи, изображаются заботы Георгія о воссоединеніи униатовъ съ православною церковію и мѣры его къ поднятію умственнаго и нравственно-религіознаго уровня своей паствы и въ заключеніе дается общая характеристика личности святителя, главнымъ образомъ какъ сильнаго и настойчиваго защитника интересовъ православнаго населенія отъ посяга-

тельство католичества и уніи и какъ перваго возсоединителя уніатовъ.

Въ первой главѣ второй части (443—607), содержащей обзоръ проповѣдническихъ трудовъ Георгія Конисскаго, послѣ изложенія взгляда проповѣдника на значеніе и задачи проповѣдничества и общей характеристики этой стороны его дѣятельности, предложено авторомъ обзорѣніе различныхъ видовъ поученій преосв. Георгія: словъ догматическихъ, правоучительныхъ, историческихъ и рѣчей. Въ концѣ главы указаны внѣшнія отличія проповѣдей преосв. Георгія: ихъ построеніе, слогъ и языкъ. Во второй главѣ (607—660) предложень довольно подробный—со стороны содержанія и формы—разборъ трагикомедіи Георгія: „Воскресеніе мертвыхъ“ и „интерлюдіи“ къ ней, и краткое обзорѣніе стихотвореній и историческихъ трудовъ Георгія. Въ краткомъ заключеніи авторъ, не придавая особенно важнаго значенія литературнымъ трудамъ преосв. Георгія, выставляетъ церковно-административную его дѣятельность какъ „самую плодотворную и незабвенную заслугу славнаго святителя земли западно-русской“ (стр. 660).

Какъ видно изъ представленнаго обзора содержанія, авторъ широко и всесторонне объялъ свой предметъ. Автору, правда, остались недоступными первоисточники по данному вопросу: различнаго рода акты, указы, доношенія, писъма, лекціи по философіи и богословію и т. п. бумаги, хранящіяся—въ рукописяхъ—въ архивѣ Св. Синода, Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, Киевской дух. академіи, Могилевской консисторіи и въ другихъ мѣстахъ; при составленіи своего очерка о жизни и дѣятельности преосв. Георгія Конисскаго авторъ долженъ былъ ограничиться только печатными документами и трудами по данному предмету, по чго было доступно автору, изучено имъ основательно. Библиографія вопроса—въ введеніи—отличается обстоятельностью и полнотою. Взглядъ автора на дѣятельность и заслуги преосв. Георгія правильный и проникнутъ любовью и уваженіемъ къ великой личности святителя. Направленіе труда—строго-православное. Изложеніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, отличается ясностію и точностію. Къ сожалѣнію, переписчиками нерѣдко допущены грамматиче-

скія ошибки.—Для полученія степени кандидата богословія признаю сочиненіе г. Заржицкаго удовлетворительнымъ“.

18. И. д. ординарнаго профессора Петра Казанскаго о сочиненіи студента *Захаржевскаго Ивана*: „Нравственное ученіе Святаго Исидора Пелусіота“:

„Сочиненіе г. Захаржевскаго состоитъ изъ вступленія и двухъ частей изслѣдованія.

Во вступленіи (I—XXVIII) авторъ указываетъ, какимъ вопросомъ по преимуществу занимается Св. Исидоръ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, — сообщаетъ слѣднія о высокихъ нравственныхъ качествахъ его и о числѣ и формѣ его сочиненій.

Въ первой части (1—117 стр.), которую авторъ называетъ теоретическою и раздѣляетъ на пять главъ, излагается ученіе Св. Исидора объ основныхъ нравственныхъ истинахъ, а именно ученіе о высшемъ началѣ, о побужденіяхъ христіанской нравственной дѣятельности, о существенныхъ условіяхъ ея, о раздѣліи и нравственномъ вмѣненіи.

Во второй части (118--378), состоящей также изъ пяти главъ, излагается ученіе Св. Исидора о частныхъ пунктахъ христіанскаго нравственнаго ученія, а именно: о раздѣленіи обязанностей христіанина, объ обязанностяхъ къ Богу и ближнимъ, о борьбѣ со страстями, о главныхъ видахъ эрихъ послѣднихъ, о супружествѣ, дѣвствѣ, подвижничествѣ, о семьѣ и обществѣ и объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на христіанина его жизнью въ семьѣ и обществѣ.

Какъ извѣстно, нравственное ученіе Св. Исидора содержится въ его многочисленныхъ письмахъ (2012), писанныхъ имъ къ людямъ разныхъ званій и состояній, по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Уже эта литературная форма твореній Св. Исидора указываетъ на то, что онъ преподавалъ свое ученіе по частямъ, отрывочно, примѣнительно къ разнообразнымъ нуждамъ и потребностямъ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ находился въ перепискѣ,—и не имѣлъ возможности изложить его въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Поэтому на авторѣ лежала обязанность—изложить нравственное ученіе Св. Исидора въ полномъ, стройномъ и связномъ видѣ. Чтобы надлежащимъ образомъ выполнить эту задачу, автору нужно было внимательно прочитать

письма Св. Отца, изучить ихъ содержаніе, извлечь изъ нихъ отрывочныя мысли и изреченія его, служащія къ раскрытію христіанскаго нравственнаго ученія, сопоставить ихъ между собою, найти между ними внутреннюю связь и воспользоваться ими для уясненія разнообразныхъ сторонъ христіанскаго правоученія, словомъ, автору пужно было выполнить работу, похожую на работу мозаическаго художника, который изъ разноцвѣтныхъ мелкихъ камешковъ производитъ художественную картину, отличающуюся искуснымъ и пріятнымъ сочетаніемъ красокъ и проникнутую одною общою мыслью. Авторъ свою нелегкую задачу выполнилъ съ достаточнымъ успѣхомъ. Мысли Св. Исидора, отличающіяся назидательностію и глубокимъ пониманіемъ христіанскаго нравственнаго ученія, авторъ привелъ въ стройный видъ и на основаніи ихъ далъ удовлетворительное рѣшеніе разнообразныхъ нравственныхъ вопросовъ. Нѣкоторыя главы разсматриваемаго сочиненія читаются съ большимъ интересомъ и содержатъ въ себѣ обстоятельное раскрытіе нѣкоторыхъ пунктовъ христіанскаго правоученія; таковы главы, въ которыхъ изложено ученіе Св. Исидора о побужденіяхъ нравственной дѣятельности, о свободѣ воли человѣка, о благодати Божіей и объ отношеніи ихъ между собою, — о нравственномъ законѣ естественномъ и откровенномъ, о любви къ ближнимъ, о супружествѣ, дѣвствѣ и подвижничествѣ.

Но разсматриваемое сочиненіе не чуждо и недостатковъ; они состоятъ въ слѣдующемъ: 1) надписанія нѣкоторыхъ главъ не совсѣмъ ясны и не вполне соответствуютъ ихъ содержанію; такъ первая глава 1-й части носитъ заглавіе: „о высшемъ началѣ нравственной дѣятельности христіанина“, а между тѣмъ здѣсь излагается ученіе о сущности добродѣтели; 2) неясность и неточность опредѣленія нѣкоторыхъ понятій, напр., понятія о нравственномъ вмѣненіи, понятія о высшемъ началѣ нравственной дѣятельности; 3) основаніе для раздѣленія нравственныхъ системъ на три класса недостаточно и характеристика каждаго изъ нихъ неудовлетворительна (2 и 3 стр.), и 4) встрѣчающееся иногда употребленіе авторомъ иностранныхъ, несовсѣмъ ясныхъ, словъ и выраженій (21 стр.), хотя вообще сочиненіе написано языкомъ яснымъ и правильнымъ.

Не смотря на указанные недостатки, сочиненіе даетъ автору право на полученіе имъ степени кандидата богословія. Сочиненіе отличается строго-нравственнымъ направлениемъ мыслей“.

19. Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Ивановскаго Николая*: „Церковный судъ въ Византіи въ эпоху послѣ Юстиніана и до раздѣленія церквей“:

„Названное сочиненіе (стр. 1—415) разсматриваетъ дѣйствование церковнаго суда въ Византійской имперіи въ предѣлахъ времени отъ VI по XI в., изображая раздѣльно: 1) предметы вѣдѣнія, 2) судоустройство и 3) судопроизводство.

Авторомъ положено много усерднаго и успѣшнаго труда въ изученіи законодательства какъ церковно-каноническаго, заключающагося въ правилахъ соборовъ и Отцевъ Церкви съ толкованіями ихъ, такъ и церковно-государственнаго византійскаго, заключающагося въ кодексахъ Юстиніана, отдѣльныхъ узаконеніяхъ позднѣйшаго времени до законодательства императоровъ Македонской династіи включительно. Въ облегченіе изученія этого обширнаго матеріала авторъ благоразумно воспользовался имѣющимся въ русской литературѣ пособиями, какъ по исторіи византійскаго права, такъ и по церковной исторіи. (Перечень источниковъ и пособій приложенъ въ концѣ сочиненія).

Сочиненіе представляетъ собою вполне законченное, обработанное тщательно цѣлое. Изложенію послѣдовательно, сжатое и ясное. Сужденія автора отличаются основательностію: свои положенія онъ утверждаетъ на данныхъ законодательства, приводя или выдержки изъ онаго, или точно цитируя его,—и на авторитетныхъ его толкователяхъ.

Направленіе автора серьезное и объективное: всюду онъ желаетъ быть точнымъ выразителемъ разума закона, воздерживаясь отъ своихъ сужденій, какъ о достоинствѣ, такъ и о недостаткахъ изображаемаго имъ церковнаго судоустройства и судопроизводства. Отсюда проистекаетъ нѣкоторая сухость и отвлеченность въ изложеніи автора, дающія себя знать еще и вслѣдствіе того, что авторъ мало воспользовался *самою*

практикою церковнаго суда, памятниковъ которой можно было бы въ изобиліи найти въ изданіи Mausl. Привнесенеіе въ сочиненіе этого матеріала въ значительной мѣрѣ способствовало бы наглядности и живости изображенія изслѣдуемаго предмета.

Принимая во вниманіе усердный трудъ автора въ изученіи источниковъ каноническаго и греко-римскаго права, тщательно обработанное изложеніе, строго серьезное направленіе, признаю сочиненіе его взгляди удовлетворительнымъ для удостоенія автора степени кандидата богословія“.

20. И. д. доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Изюмова Михаила*: „Земско-соціальный и политическій элементъ въ русскомъ расколѣ. Историко-критическій очеркъ“:

„Этотъ довольно обширный (337 стр.) „очеркъ“ имѣетъ своею задачею дать обстоятельную, основанную на изученіи соответствующихъ историческихъ фактовъ, оцѣнку извѣстнаго „щাপовскаго“ взгляда на русскій расколъ, какъ явленіе въ основѣ своей не церковное, а земско-политическое, какъ протестъ не религіозный, а соціальный. Воздавая должное таланту перваго изобрѣтателя такого взгляда на расколъ, А. П. Щапова, авторъ вполне основательно не находитъ возможнымъ согласиться съ воззрѣніями названнаго изслѣдователя на сущность раскола, высказанными въ его сочиненіи „Земство и расколъ“, а чтеніе нѣкоторыхъ страницъ изслѣдованія одного изъ крайнихъ представителей „щাপовской школы“ возбуждаетъ у него „позывъ даже къ физической тошнотѣ“ (стр. 10). Это послѣднее обстоятельство не лишаетъ, впрочемъ, автора способности съ надлежащимъ спокойствіемъ и самообладаніемъ шагъ за шагомъ прослѣдить и оцѣнить по достоинству тѣ важнѣйшія основанія, которыя обычно приводятся въ подтвержденіе разбираемыхъ имъ сужденій изслѣдователей указаннаго направленія. Параллельно критическому разбору этихъ сужденій г. Изюмовъ устанавливаетъ совершенно правильный взглядъ на предметъ своего изслѣдованія: онъ отрицаетъ за земско-соціальными и политическими условіями русской народной жизни значеніе первыхъ причинъ и основныхъ мотивовъ, создавшихъ русскій расколъ и опредѣлившихъ его сущность, а признаетъ за названными усло-

віями значеніе лишь вторичныхъ причинъ, присоединившихся внослѣдствіи и осложнившихъ нѣкоторыми новыми чертами доктрину и бытовую сторону раскола, бывшаго изначала и оставшагося потомъ прежде всего—явленіемъ церковно-религіознаго порядка. Возраженія, какія дѣлаетъ авторъ противъ обычныхъ доказательствъ противоположнаго, разбираемаго имъ взгляда, вѣски и убѣдительны; его собственныя сужденія и положенія обоснованы твердо и доказательно; литература, относящаяся къ предмету изслѣдованія, изучена достаточно полно и серьезно,—по крайней мѣрѣ значительныхъ пробѣловъ не замѣчается; изложеніе мыслей ясное, и въ общемъ правильное, хотя и не чуждое по мѣстамъ неловкостей, подобныхъ одной вышешприведенной.—Все сказанное даетъ право признать разсматриваемое сочиненіе очень хорошимъ и вполне удовлетворяющимъ своему назначенію“.

21. Доцента Василя Мышцына о сочиненіи студента *Казанцева Василя*: „Семь правилъ для пониманія Священнаго Писанія“ Тихонія Аѳриканскаго и „Христіанская наука“ бл. Августина, какъ руководства при толкованіи Св. Писанія“:

„Сочиненіе г. Казанцева (въ 154 стр.) состоитъ изъ введенія, въ которомъ авторъ характеризуетъ труды Тихонія и бл. Августина, какъ первыя систематическія руководства по Св. Писанію, вызванныя борьбою двухъ направленій экзегетики въ школахъ александрійской и антїохійской, и изъ двухъ частей. Первая изъ нихъ (въ 2-хъ главахъ) посвящена характеристикѣ литературной дѣятельности Тихонія (1-я гл. стр. 19—25) и въ частности анализу его „семи правилъ“ (2-я гл.—стр. 25—58). Вторая часть сочиненія, заключающая въ себѣ 8 главъ, имѣетъ своимъ предметомъ: біографію Августина и его литературную дѣятельность вообще (1-я гл. стр. 59—89), краткую характеристику его „христіанской науки“ (гл. 2-я, стр. 90—99), ученіе Августина о происхожденіи и характерѣ Св. Писанія (гл. 3-я, стр. 99—124), правила Августина для толкованія Св. Писанія (гл. 4, 5 и 6, стр. 125—140), о качествѣ толкователя (гл. 7-я, стр. 141—145) и главнымъ руководственнымъ началомъ толкованія (гл. 8-я, стр. 145—152). Конецъ сочиненія составляетъ краткое заключеніе (152—154), въ кото-

ромъ авторъ говоритъ о необходимости полагать въ основу современнаго толкованія общія начала святоотеческой экзегетики.

Авторъ довольно внимательно изучилъ подлежащіе его изслѣдованію древніе опыты по герменевтикѣ и съ достаточною ясностью и точностью изложилъ существенное содержаніе ихъ. Не удовлетворяясь этимъ, онъ далъ себѣ трудъ поставить въ связь тѣ или другіе взгляды церковныхъ писателей съ ихъ біографіей и общею литературною дѣятельностью. Благодаря этому, каждая часть сочиненія, взятая сама по себѣ, представляетъ собою нѣчто цѣльное и связанное. Но этого нельзя сказать о цѣломъ сочиненіи. Главный интересъ темы состоялъ въ сравненіи экзегетическихъ взглядовъ Тихонія и Августина, чему давало поводъ уже то извѣстное автору (стр. 97) обстоятельство, что 30—37 главы 3-й книги „Христіанской науки“ Августина касаются правилъ Тихонія. Но этого авторъ не сдѣлалъ, вслѣдствіе чего обѣ части сочиненія стоятъ особнякомъ, ничѣмъ не связанные. Исправить этотъ недостатокъ можно было, посвятивъ новую главу сличенію взглядовъ Тихонія и Августина. Какъ на частные недостатки сочиненія слѣдуетъ указать на то, что въ анализѣ „семи правилъ“ Тихонія недостаточно раскрыта формальная, принципиальная сторона ихъ, въ біографіи Августина есть не мало лишняго для цѣлей автора, въ вопросѣ о канонѣ Августина допущена неточность, будто Августинъ канонизовалъ *нами* неканоническія книги (стр. 112). Но и при указанныхъ недостаткахъ сочиненіе г. Казацева для полученія кандидатской степени достаточно“.

22. И. д. ординарнаго профессора Петра Казанскаго о сочиненіи студента *Кіятскаго Михаила*: „Ученіе Оригена о нравственности“:

„Сочиненіе г. Кіятскаго состоитъ изъ предисловія, шести главъ и заключенія.

Въ предисловіи (1—12 стр.) говорится о трудностяхъ, съ какими соединено изученіе и приведеніе въ стройный видъ нравственнаго ученія Оригена. Въ *первой* главѣ (13—34) дѣлается характеристика Оригена, какъ чловѣка, какъ ученаго и какъ моралиста. Во *второй* главѣ (35—59) раскрывается отношеніе ученія Оригена къ ученію предшествовавшихъ ему христіанскихъ писателей, въ особенности